

РУССКАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ ШКОЛА

Юрий Курносов

**АНАЛИТИКА
КАК
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЕ
ОРУЖИЕ**

Юрий Васильевич Курносов

Аналитика как интеллектуальное оружие

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24156898

Аналитика как интеллектуальное оружие: РУСАКИ; Москва; 2012

ISBN 978-5-93347-433-3

Аннотация

В книге рассматривается широкий спектр вопросов, связанных с методологией, организацией и технологиями информационно-аналитической работы. Показаны возможности использования аналитического инструментария для исследования социально-политических и экономических процессов, прогнозирования и организации эффективного функционирования и развития систем управления предприятиями и учреждениями, совершенствования процессов принятия управленческих решений. На уровне «живого знания» в широком культурно-историческом контексте раскрывается сущность интеллектуальных технологий, приемов прикладной аналитической работы. Представлена характеристика зарубежных и отечественных аналитических центров. Книга предназначена для специалистов, занятых в сфере управленческой деятельности, сотрудников информационно-

аналитических центров и подразделений, сотрудников СМИ и PR-центров, научных работников, аспирантов и студентов.

Содержание

Благодарности	6
К читателю	8
Введение	11
Глава I. Истоки, сущность, структура и задачи аналитики	25
1.1. Традиция: эзотерические корни аналитики	59
1.2. Западная аналитическая традиция	117
Конец ознакомительного фрагмента.	148

**Юрий Васильевич
Курносов
Аналитика как
интеллектуальное оружие**

© Курносов Ю.В., 2012

© «Русская аналитическая школа», 2012

* * *

Благодарности

Автор выражает самую искреннюю признательность друзьям и соратникам, которые оказали неоценимую помощь в работе над книгой.

Среди них – высокопрофессиональные и одаренные аналитики Алиев Азер Рустамович, Бабахин Анатолий Иванович, Бекбулатов Валерий Шаяхметович, Ведяев Юрий Андреевич, Веденеев Борис Павлович, Демин Игорь Львович, Досяк Орест Иванович (г. Львов, Украина), Дубинский Юрий Михайлович, Жирков Олег Александрович, Зименков Александр Лазаревич, Иванюк Иван Иванович, Киселёв Владимир Александрович, Комогоров Виктор Иванович, Корниенко Виктор Иванович, Кунавин Валерий Николаевич, Кутузов Михаил Александрович (г. Воронеж), Летуновский Валентин Васильевич, Макушин Вадим Васильевич, Мельникова Елена Николаевна, Минаев Сергей Викторович, Найденко Виталий Николаевич, Носков Юрий Анатольевич (Саратовская обл.), Небренчин Сергей Михайлович, Норкин Сергей Михайлович (г. Вологда), Опалев Александр Васильевич, Петухов Валерий Михайлович, Пискунов Александр Александрович, Полуденный Николай Николаевич, Прохожев Алексей Александрович, Рагулин Александр Иванович, Семёнов Вадим Александрович, Синеок Николай Васильевич

вич, Словецкий Евгений Леонидович, Спиридонов Виктор Викторович, Столяров Николай Сергеевич, Сухонос Анатолий Иванович, Творогов Олег (г. Иваново), Мухамеджанов Озод Азимович, Федулов Никита Евгеньевич, Шкурук Михаил Яковлевич и другие товарищи.

Их внимание, дружеское участие и советы сыграли огромную роль.

Автор выражает особую благодарность

Группе компаний «АГРИКО», Ахмадову Султану Хумидовичу, Бовину Владимиру Сергеевичу, Лебедеву Анатолию Евгеньевичу, Лысюку Василию Владимировичу, Михайлюку Леониду Владимировичу (г. Пермь), Нефедову Юрию Дмитриевичу, Носачёву Алексею Александровичу (г. Санкт-Петербург), Мрищуку Александру Анатольевичу (г. Пермь) за финансовую и организационную поддержку в издании книги.

К читателю

Представляя читателю книгу Ю.В. Курносова «Аналитика как интеллектуальное оружие», следует отметить, что автор поставил перед собой серьёзную и большую задачу: осмыслить мировые и отечественные наработки в области аналитики и предложить пути создания аналитической школы в России.

В современных условиях мы, наконец, пришли к осознанию того, что интеллектуальные ресурсы не только находятся в одном ряду с демографическими, территориальными, сырьевыми, технологическими и финансовыми ресурсами, но и во многом определяют эффективность всех остальных ресурсов, а также совокупную интеллектуальную мощь страны, что, в свою очередь, является важнейшим условием не только её развития, но и самого существования.

В развитии интеллектуального потенциала нации огромную роль играет аналитика. Современные процессы государственного и муниципального управления, бизнеса и производства порождают огромные массивы данных. Как извлечь максимум полезных знаний из разнородной информации, собранной с разной степенью точности и выраженной в различных размерных единицах? Как создать новые методы анализа слабоструктурированных проблем? Как сделать это эффективно, если объём данных измеряется гига-

или даже терабайтами? Как построить алгоритмы, использующие имеющуюся информацию для принятия эффективных управленческих решений? Эти и многие другие задачи невозможно решить без солидных теоретических и методологических аналитических работ.

Автор показывает исторические корни аналитики, широко представляет зарубежный опыт работы «фабрик мысли» с выделением положительных моментов, которые могут быть использованы в российских условиях, раскрывает широкий круг вопросов, связанных с методологией, технологией и организацией информационно-аналитической деятельности. Детально и предметно раскрыты прикладные аспекты аналитики, те её базовые элементы, которые необходимы человеку интеллектуального труда. Представлено авторское понимание «работающей методологии», системного и синергетического анализа проблем, оптимальных путей принятия управленческих решений. Раскрывается творческая лаборатория, своеобразная «кухня» аналитической работы, те «рациональные зёрна», которые собственно и делают аналитику эффективной и значимой для процессов управления.

Многим руководителям могут быть полезны изложенные в книге идеи, которые стоит, так сказать, взять на вооружение. Отсюда и название книги, поскольку именно аналитика выступает в современных условиях эффективным интеллектуальным оружием в конкурентной борьбе государств и корпоративных структур.

Несмотря на отдельные спорные моменты, имеющиеся в книге, автору в целом удалось создать полезный, глубокий и серьёзный труд.

Искренне рекомендую эту книгу для студентов, аспирантов, преподавателей, учёных, сотрудников аналитических подразделений, а также для всех деловых людей, которые хотят более творчески и продуктивно мыслить и действовать.

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'С.В. Степашин', written in a cursive style.

Председатель Счётной палаты Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор С.В. Степашин

Введение

Роль аналитики в интеллектуальном взрослении человечества

Сегодня общество, наконец, вполне созрело для осознания того, что интеллектуальные ресурсы – в одном ряду с демографическими, территориальными, сырьевыми, технологическими и финансовыми ресурсами. Интеллектуальная мощь общества является важнейшим условием не только его развития, но и самого существования.

Оптимизация современных процессов государственного и муниципального управления, бизнеса и производства требует всё больше умных, компетентных людей, не страдающих недомыслием. Но как их подготовить? Стать умнее хочет каждый человек. К сожалению, «учебников ума» не существует. Так что все мы в этом смысле самоучки. В университетах готовят специалистов для научно-исследовательской и иной творческой деятельности, но для аналитической работы этот опыт применим лишь косвенно. Заполняя вакуум, учить «живости ума» армию новоиспечённых «менеджеров» (на деле – мелких приказчиков и лавочников, от которых мало что зависит) берутся всяческие лжегуру. Но есть и

энтузиасты-«проповедники», пропагандирующие свой личный опыт достижения успеха. Так, в 1937 году, после Великой Депрессии вышла книга американского психолога: N. Hill. *Think and Grow rich*, в рус. пер. *Думай и богатей* [Хилл 06¹], она выдержала более 40 переизданий общим тиражом свыше 32 млн экземпляров. В 1936–1937 годах автор был даже приглашён президентом Рузвельтом в качестве советника.

Развитием интеллекта обычно человек занимается путём самообразования, как правило, в рамках высшей школы, научных институтов.

Но моя книга не об этом. За последние годы появились труды и статьи, посвящённые особенностям аналитической работы в органах *государственной власти и местного самоуправления* (такое разделение предусмотрено Конституцией РФ; существует также рабочий термин *государственное и муниципальное управление*, но он не касается конституционных полномочий двух упомянутых уровней, установленных в России), а также в хозяйственной деятельности. Прежде всего, это книга, написанная мной в соавторстве с П.Ю. Конотоповым [Курносков 04А]. Ссылаясь на неё, я буду называть её *Аналитикой*. Однако ответ на вопрос, кто та-

¹ Ссылки на источники даны по авторам (для сборников и пр. – по названиям) в алфавитном порядке. В каждой ссылке по двум последним цифрам указывается год публикации, «б/г» означает, что год публикации неизвестен. Буквенные индексы при годе выпуска даны, если на данный год приходится несколько публикаций того же автора.

кие специалисты-аналитики, откуда им взяться, и где, кто и как этому обучает, до сих пор оставался открытым. Русскоязычных публикаций других авторов совсем мало [Кузьминов 10], [Пригожин 05], [Прохоров б/г].

Данная книга, написанная мной на этот раз самостоятельно, познакомит читателя с основными аналитическими школами и традициями прошлого и современности, с их положительным опытом, полезным сегодня для практического использования в учебной, информационно-аналитической и научно-исследовательской деятельности.

Проблемы III тысячелетия по большей части комплексны, междисциплинарны, и для их решения потребуются новые интеллектуальные технологии, способствующие реализации интеллектуального потенциала не только отдельного человека, но и отдельного интеллектуального сообщества – от конкретной частной фирмы до национально-государственной элиты, и, как следствие, до общества в целом. Поэтому их решение потребует от всего человечества и от его компетентных, мыслящих представителей новых, более совершенных методов работы с «сырой» информацией, преобразуемой в её высшую форму – *Знание*. Знание, интеллект станут самым дорогим ресурсом, перетекающим туда, где его ценят и дают ему развиваться. Поэтому роль аналитической составляющей в процессах управления государством и обществом будет неуклонно возрастать. Хотелось бы думать,

что руководство российского государства это понимает. Нарастание кризисных тенденций во всём мире – непреложный факт. В истории наша страна не раз оказывалась в эпицентре мировых потрясений. И сейчас груз нерешённых проблем создаёт предпосылки для социальной нестабильности и очередных разрушительных взрывов. Если не будет задействована аналитическая составляющая в противостоянии регрессивным тенденциям в развитии общества, Россия обречена на дальнейшее отставание от передовых стран мира.

Продуктом интеллектуального творчества являются новые знания, идеи и технологии. Однако явить миру новую идею мало, её нужно отстоять, доказать её жизнеспособность. И хотя времена инквизиции и публичных казней канули в вечность, борьба с мыслящими по-иному, порой альтернативно, продолжается практически повсеместно. Это происходит не только в социально-политической, но и научной сфере. Новое всегда пробивает себе дорогу с трудом. Яркое проявление этого феномена можно наблюдать на примере *аналитики* как деятельности. Подумать только: в России имеются сотни аналитических подразделений, но **специально и целенаправленно кадры аналитиков не готовит ни одно учебное заведение!** Юристов, экономистов, бухгалтеров, менеджеров различного профиля готовят сотнями тысяч, а аналитиков – нет.

Наша (совместно с П. Конотоповым) *Аналитика* [Курносов 04А], по сути, стала первым в России учебником анали-

тики, систематическим изложением отрасли знания и деятельности относительно новой, но с богатой историей. От качественного её состояния на современном этапе в решающей степени зависит развитие любой государственной или коммерческой структуры. За короткое время весь тираж книги разошёлся. Книгу положительно оценили интеллектуальная общественность и многие руководители. В ней была раскрыта суть аналитики, а её содержательная часть рассмотрена с гуманитарной и технико-технологической сторон. Авторы книги представили аналитику как совокупность методологии, технологии и организации информационно-аналитической деятельности. Мне представлялось, что после выхода в свет этой книги ситуация в стране хоть в чём-то изменится к лучшему, и хотя бы в некоторых университетах будут введены специализации по аналитике, созданы соответствующие кафедры, начнётся хоть какая-то консолидация экспертно-аналитического сообщества, будет развёрнута более предметная подготовка кадров для аналитических подразделений в органах государственного управления.

Вначале Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 10.10.1977 № 908 была создана Академия народного хозяйства СССР (позже работала как АНХ при Правительстве РФ). Затем указом Президента РФ от 06.06.1994 № 1140 была создана Российская академия государственной службы (РАГС) при Президенте РФ. Затем Указом Президента РФ от 10.11.2006 № 1264 вузам системы РАГС была предо-

ставлена относительная автономия. Указом Президента РФ от 20.09.2010 № 1140 ведущие вузы президентской РАГС и правительственная АНХ были объединены в «Российскую академию народного хозяйства и государственной службы (РАНХиГС)» при Президенте РФ.

Однако за истекшие 8 лет ситуация изменилась очень мало, никаких крупных событий на аналитическом поле не произошло. Органы управления государством, система образования оказались не готовы к восприятию новых идей, показали неспособность к какой-либо модернизации.

Вдумайтесь в такой факт: в рамках существовавшей до 2007 года системы образовательных учреждений, подведомственных Российской академии государственной службы (РАГС) при Президенте Российской Федерации, обучалось свыше 120 тысяч человек (!). Эта кузница управленческих кадров, где я имел честь быть профессором, вела профессиональную подготовку и переподготовку всего этого огромного контингента по многим специальностям, включая *Государственное и муниципальное управление, Политология, Юриспруденция, Менеджмент, Экономика, Финансы, Психология* и даже... *Акмеология*. Но, странное дело, среди них не было важнейшей специальности под названием *Государственная и муниципальная аналитика* или *Информационно-аналитическая работа в сфере ГМУ*, хотя востребованность кадров аналитиков велика и продолжает возрастать. Практически, в

высших органах государственной власти и управления всех субъектов РФ созданы информационно-аналитические подразделения, но кадры для них в нужных объёмах по-прежнему никто не готовит. Кстати, точно так же в стране не хватает инженеров – интересный парадокс...

Несомненно, в нынешней России, если сравнивать её с поздним СССР периода 1970–1990 годов, специалистов-аналитиков, как и просто образованных, развитых людей, ничуть не меньше, но качество управления во всех сферах, несомненно, критически упало до неприемлемого уровня. В чём тут причины? Конечно, этот вопрос требует обширного научного исследования. Однако в первом приближении можно сказать: такими причинами стали концептуально-мировоззренческие провалы. У нас нет того общего знаменателя, который был в СССР или существует в США, – нет унифицирующей *идеологии*, как бы мы к этому ни относились. А наши лучшие специалисты, *штучные высококобы*, готовы служить где угодно, уехать куда угодно, только бы не стать госуправленческой бюрократией. В среде аналитически мыслящей интеллигенции частые и камерные интересы, включая карьерный рост, самовыражение, разумное вознаграждение (в рамках трудовой этики, корпоративизма), несомненно, преобладают над соображениями гражданской ответственности за судьбы родины.

Попытки автора в одиночку что-либо изменить на серьёзном общевузовском и межвузовском уровне успеха не име-

ли. Дело по-прежнему ограничивается публичными призывами усилить аналитическую составляющую в органах государственного управления и муниципального самоуправления [Курносов 98А, 98Б, 04Б, 04В, 06; Селиванов 06], чтением разовых лекций на различных потоках обучения, проведением краткосрочных спецкурсов по информационно-аналитическому обеспечению принятия управленческих решений, различным аспектам методологии системного анализа проблемных ситуаций – в ряде университетов и коммерческих структур: в РАНХиГС при Президенте РФ, Дипломатической академии МИД РФ, Академии ФСБ России, Университете дружбы народов, АО «Лукойл» и т. д. Конечно, всего этого для улучшения ситуации с подготовкой аналитических кадров явно недостаточно. Нужен административный ресурс, которым я не располагаю. Мечтаю и надеюсь, что рано или поздно необходимость серьёзной подготовки аналитиков будет осознана на серьёзном государственном уровне, где будут приняты соответствующие решения. Возможно, это случится лишь, когда Россией будет управлять новая когорта молодых политиков не только с амбициями, но и с высокой нравственностью, социальной ответственностью и незаурядными аналитическими способностями.

В ходе преподавания, особенно при проведении методологических семинаров в РАНХиГС при Президенте РФ и других вузах, в ходе творческих дискуссий с коллегами пришло убеждение, что я на правильном пути: серьёзная анали-

тика необходима нашей стране, чтобы выбираться из-под завалов в практически всех сферах жизнедеятельности государства и общества.

Да, после выхода *Аналитики* мы приобрели много единомышленников и соратников в регионах России, увидели, как востребована литература такого рода, помогающая становлению широкого экспертно-аналитического сообщества в нашей стране. Однако на государственном уровне идеи, изложенные в этом труде, серьёзной поддержки пока не получили, аналитику так и не стали преподавать как самостоятельную научную дисциплину, хотя её значимость для практики неизмеримо выше многих изучаемых предметов и спецкурсов. Конечно, мне также приходилось слышать иное мнение, мол, аналитиков невозможно создать, аналитику невозможно преподавать массово, хотя сравнительно удачные опыты в западных университетах свидетельствуют об обратном.

Новая книга, где учтены замечания и пожелания читателей, коллег по «аналитическому цеху», доступнее по характеру изложения, она посвящена преимущественно творческому и гуманитарным аспектам аналитики, в ней углубляются и уточняются её сущностные особенности. В книге систематизирован и обобщён интеллектуальный инструментарий современного аналитика, независимо от сферы его деятельности (от разведки, государственного управления и муниципального самоуправления до бизнеса), так как этот инструментарий универсален. Читатель узнает, что нового появи-

лось за последнее время в российской и мировой аналитике, какие отправные точки и тенденции наиболее ярко проявились на интеллектуальном поле, чем и как была занята аналитическая мысль.

Исторически возникновение аналитических структур, помимо научной сферы, во многом также связано с различными этапами в развитии *менеджмента*. Большинство этих структур только «набирает обороты», «пробивается на поверхность» в виде тоненьких, но важных «ручейков» публикаций и сообщений о практическом применении отдельных аналитических подходов. Ниже мы расскажем о воззрениях сторонников некоторых хорошо зарекомендовавших методик и предложим собственный взгляд на их развитие, на их силу и слабость. О каждой из упомянутых школ, аналитических структур вы можете почерпнуть дополнительные сведения в специальной литературе: в академических научных сборниках, журналах для практических менеджеров, в монографиях, в интернет-ресурсах (*Wikipedia*, специализированные сайты). Кроме того, большинство из предложенных в публикациях методов применяется на практике организациями, аналитическими подразделениями и консалтинговыми фирмами. Практики читают литературу по менеджменту, авторы научных статей анализируют практический опыт. Поэтому и наше описание аналитики как явления основывается как на теоретических публикациях, так и на обобщении практического опыта аналитической работы различных го-

сударственных и корпоративных структур. Также предпринята попытка сформулировать ряд идей для создания как *общей методологической платформы*, так и *конкретных организационных форм*, делающих возможным плодотворное сотрудничество интеллектуалов, аналитиков, экспертов.

Я глубоко убеждён: решение проблем, накопившихся в российском обществе и государстве возможно, прежде всего, путём усиления общего интеллектуального потенциала, поэтому вместе с моими единомышленниками и соратниками ориентируюсь на создание современной *Русской аналитической школы* – как организации (*автономного некоммерческого партнёрства*) и как общественного движения под девизом «*Интеллект – наше оружие*». Именно с этой целью мы хотим вооружить наших граждан *интеллектуальным оружием аналитики*. Очень хотелось бы, чтобы число настоящих аналитиков в нашей стране постоянно росло и чтобы они играли первую скрипку во всех сферах жизнедеятельности общества.

По своему содержанию аналитика – это методология, технология и организация процесса информационно-аналитической работы (ИАР). Аналитик выступает в качестве методолога, технолога и организатора сбора информации и её качественного преобразования – в *Знание*. В то же время аналитика это мощное средство для организации других средств и ресурсов достижения цели. Генерирование, формулирование цели как сверхзадачи, вычленение из общего проблем-

ного поля ключевых проблемных ситуаций, конкретизация и постановка проблем для их последующего решения – процесс творческого взаимодействия руководителя и аналитиков из его референтного окружения.

Широкое применение при решении накопившихся проблем и противоречий в государстве и обществе должны найти методы системного анализа и иные эффективные методы комплексного исследования, о чём идёт речь в данной книге. Хорошо поставленная информационно-аналитическая работа повышает эффективность любой деятельности. Она позволяет выработать полный спектр решений, а не только кажущихся очевидными или привычных.

Можно считать доказанным: большая часть современных общественных проблем, и, в первую очередь, проблема выживания, решается, если развиваются под надёжной защитой и созидательное начало интеллекта, и носитель этого неисчерпаемого ресурса творчества – сам человек. Это давно поняли во многих развитых странах, особенно в Японии, США. Так, Теодор Шульц и Эдвард Денисон, родоначальники теории «человеческого капитала», измеряли отдачу от образования на протяжении 30–50 лет. На основании столь длительных замеров они показали: каждый доллар, вложенный в образование, приносит ещё 90 центов, т. е. отдача от образования практически вдвое превосходит инвестиции. Поиск новых векторов развития нужно вести в русле новых интеллектуальных технологий, мощного креатив-

ного потенциала научной мысли человечества. Однако одновременно существует и противоположная тенденция, исходящая из того, что тупой, необразованной людской массой «управлять» (на самом деле – манипулировать) намного проще, чем высокообразованными и умеющими защищать свои права людьми.

Наверное, каждому читателю попадались в жизни такие книги, которые после первого прочтения становились настольными – друзьями, советчиками, и помощниками в делах. Конечно, я мечтаю о том, чтобы моя новая книга стала такой. В то же время понимаю и невероятную сложность поставленной задачи, ибо область аналитики чрезвычайно сложна, объёмна, многомерна, и охватить, описать её, разобраться в ней в одиночку очень трудно.

Можно по-разному интерпретировать известные исторические факты, выстраивать концепции и подходы. Но главное в другом: насколько предложенное автором помогает добраться до сути и оказывается практически полезным. На самом деле книги пишутся для будущего. Остаётся надеяться, что данная работа действительно поможет и начинающим, и уже имеющим опыт информационно-аналитической работы специалистам. Автор адресует эту книгу людям самого различного социального и профессионального опыта: студентам и профессорско-преподавательскому составу, инженерам-практикам и сотрудникам научно-исследовательских учреждений, управленческому звену государственной и му-

ниципальной службы, сотрудникам информационно-аналитических структур.

Хочется верить, что книга действительно сыграет свою положительную роль в интеллектуальном и профессиональном совершенствовании её читателей, даст заряд энергии разрушения той вязкой рутины, что сковала всё наше общество и государство, сделала их неповоротливыми и неэффективными в решении проблем. Естественно, в рамках одной монографии невозможно представить все сведения, необходимые современному аналитику, но сформировать мотивацию и устойчивый интерес к этой деятельности, потребность в знаниях такого рода, стремление к их использованию для достижения иного качества жизни – можно. Что автор и попытался сделать.

*доктор философских наук, профессор, член Союза писателей
России*

Ю.В. Курносков

Глава I. Истоки, сущность, структура и задачи аналитики

В этой главе рассмотрены истоки аналитики и её роль в культурном и государственном строительстве, некоторые эзотерические корни аналитики, связанные с *традицией*. Да-на общая характеристика комплексной научной дисциплины под собирательным названием «аналитика», призванной обобщить разнообразные подходы к анализу информации, выработанные в различных отраслях научных исследований.

Введено определение аналитики, сформулированы общие и частные принципы аналитической деятельности, сделан краткий обзор базовых аналитических технологий и раскрыты основные задачи аналитического обеспечения управленческих процессов.

В описании *эзотерических истоков* аналитики, то есть знания, доступного в прошлом лишь жрецам и немногим *посвящённым*, раскрываются особенности традиций западной, восточной, российской аналитики, и главным для меня было показать не то, в чём эти *протоаналитики* расходятся, а выделить то общее, что скрывается за их внешними формами. Я стремился доказать, что за видимыми различиями всегда скрыты *сущностное ядро* и некоторая универсальная технология работы с информационным материалом, скажу

больше – с *информационным полем*, и что за различными внешними оболочками формализации, систематизации, моделирования и иных способов обработки информации стоят *универсальные фундаментальные принципы*, их должен знать каждый, занятый обработкой информации.

Понятно, что термины *китайская аналитика* или *русская аналитика* достаточно условны, и речь всего лишь идёт о форме представления единого явления. Аналитика же, по сути, едина, существуют лишь специфика, ментальные традиции, национальные особенности, которые для краткости можно обозначить таким образом. Ясно, что как нет математики для сельского хозяйства и математики для промышленного производства, так нет мужской аналитики и женской (кроме анекдотов).

Логика рассмотрения поставленной проблемы была следующей:

- выделить и кратко охарактеризовать все известные традиционные школы аналитики;
- по возможности исследовать средств и методы каждой из них с выделением внутреннего сущностно-смыслового ядра и ключевых характеристик;
- сопоставить эти ядра с универсальными свойствами, присущими аналитике вообще.

Такое сравнительное исследование в широком культурно-историческом контексте с выходом на современные технологии обработки информации необходимо, чтобы чита-

тель понял, откуда возникла современная аналитика, и чтобы выделить всё позитивное, применимое в условиях современной России. Естественно, выполнить эту задачу одному человеку очень сложно, поэтому, надеюсь, читатель, даже если и увидит некоторые недостатки, оценит по достоинству полученный результат.

По существу, вся история цивилизации – это история эволюции научного знания. Постепенно всё человечество осознаёт, что интеллект становится ресурсом, всё в большей и большей мере определяющим качество жизни общества и человека в нём, и Россия среди других стран должна возглавлять это движение, а не плестись в хвосте. По мнению ряда аналитиков, в настоящее время можно говорить о *глобальном интеллектуальном переделе мира* с жёсткой конкурентной борьбой отдельных государств за преимущественное обладание интеллектуальными ресурсами, в первую очередь – высокоодарёнными людьми, потенциальными носителями *нового знания*. Ректор МГУ им. М.В. Ломоносова академик В.А. Садовничий отметил «*Уровень интеллекта нации – вот что определяет сегодня место того или иного государства в мировой таблице о рангах*» [Садовничий 99].

Да, ценность интеллектуальной продукции неуклонно растёт, но ведь интеллектуальная продукция бывает разной. Это может быть очередная головокружительно сложная, но следующая в общем русле технология, или же достаточно простая, но нетривиальная идея, позволяющая совершить

технологический прорыв. Задача состоит не только и не столько в генерации идей, сколько в том, чтобы с их помощью было найдено разумное, полезное, оригинальное и рациональное (оптимальное) решение, доведённое до логического завершения – до реализации своей полезности. И здесь аналитика является инструментом, способным помочь человеку творческому вычленив именно тот блок проблем, над решением которых действительно стоит поломать голову с пользой для себя и для общества.

Для любого государства важны амбициозные задачи, рассчитанные на длительную перспективу. Аналитика должна способствовать *формированию стратегического целеполагания и направлений развития государства и общества*.

Индия на экспорте программного обеспечения зарабатывает в год 40 млрд долл. Это в 4 раза больше, чем зарабатывает Россия на продаже вооружений, хотя наши разработки сопоставимы по уровню. Однако наша институционально-налоговая система вынуждает этих высококлассных специалистов покидать родину, не позволяя им оставаться в своей стране, а вот программисты из Бомбея имеют такую возможность. В результате многие наши специалисты просто работают по заказам из-за границы, активно используют зарубежные гранты с надеждой перебраться в Silicon Valley. Всё построено на аутсорсинге (живя здесь, реально работают там), есть и подставные структуры, оффшорные махинации. Этот сегмент как раз ценится и достаточно развит.

В целом, у нас по-прежнему интеллект не в почёте, и, как следствие, нет аналитических центров (*англ.* think tanks, *фабрики мысли*) по анализу настоящего и проектированию будущего. Продолжают наноситься удары по наиболее интеллектуальным центрам. Недавнее сокращение ГРУ Генштаба Минобороны России в 4 раза (привело к увольнению до 2300 офицеров только из Центрального аппарата (*Аквариума*)).

Здание ГРУ со сплошным остеклением части фасада, как и то, что там происходило, стало известным как «Аквариум» сначала в узком кругу *своих*, а затем получило всероссийскую и мировую известность благодаря одноимённой книге Б.Н. Корзуна (псевд. *Виктор Суворов*) в жанре исторической сенсации [Суворов 11].

Большинство аналитиков в Сети сокращение аппарата ГРУ связывает с боязнью обнародования компромата на представителей российской «элиты», который могли бы «слить» осведомлённые аналитики ГРУ. Эти версии похожи на правду.

В истории много примеров, когда намечались и достигались долговременные стратегические цели. Так, подобный проект реализовали в Финляндии, когда в период жёсткого кризиса была создана *Nokia*, один из мировых лидеров в мобильной связи. Есть исторические примеры реализации сценариев даже более масштабных, чем *Новый курс*, воплощённый в жизнь (с участием русского экономиста В.В. Леонтье-

ва, впоследствии лауреата Нобелевской премии) президентом США Рузвельтом, и вытянувший Америку из *Великой Депрессии*. Сегодня борьба между цивилизациями идёт не только в сфере экономики, но и в сфере ценностей и представлений о будущем, их адекватности тому или иному национальному проекту. Когда ценные бумаги становятся важнее ценностей общества, у него теряется будущее. Полезно помнить великого философа Сенеку: «Для корабля, порт назначения которого неизвестен, нет попутного ветра».

В современной России, несмотря на политические и экономические пертурбации, постепенно пробуждается интеллектуальная активность. Пусть запоздало и не так быстро, как хотелось бы, но всё больше россиян понимают: без соответствующей адаптации к реалиям России методы управления, отлично зарекомендовавшие себя за рубежом, не окажут должного эффекта, хотя в стране есть и профессионализм, и здоровый практицизм, и знание западных аналогов и источников. Но это касается лишь узкого сегмента элиты и существует на фоне существенного понижения общего культурного уровня населения. Многие учёные отбыли за рубеж, многие дисквалифицировались, ушли в бизнес, в том числе мельчайший: стали *ларёчниками*. В общественном сознании на смену научно-прагматическому знанию пришли иррационализм и клерикализм, оккультно-мистические представления.

Развитие Интернета способствует тому, что ранговые раз-

границители в доступе к социально значимой информации стали менее существенны. Читают то, что действительно важно и интересно, по выбору. Продолжаются процессы открытости (*европеизации*) России, работают русскоязычные сайты Украины, Германии, США, *Wikipedia*, нередко позиционирующие себя как аналитические. Словом, возник весьма добротный соревновательный контент. «Все знают всё» – каждый в меру своей любознательности.

Естественно, у каждой страны должен быть свой путь развития. В процессах управления следует учитывать факт высокой значимости историко-культурной специфики, особенностей менталитета, тех стереотипов мышления, на которых выросли люди, составляющие продуктивную доминанту нашего общества. Наши ментальные отличия, скорее, цивилизационного плана: жители бывшего СССР заметно отличаются от граждан прочих стран строем мышления и принятия решений, уровнем и образом жизни, манерами поведения. Мы просто другие, и это ни хорошо, ни плохо, это культурно-историческая данность. Бывшим республикам СССР присущи столь своеобразные экономические и социальные патологии (а их жителям – уникальный социальный опыт), что вряд ли найдётся пришлый лекарь, способный прописать исцеляющий рецепт.

У России и её зарубежных партнёров, присылающих нам консультантов, разные исторические пути развития государственности, разные национальные традиции и память поко-

лений, различаются культура быта, труда и отдыха. Отчасти поэтому не сработали (да и не должны были сработать) западные модели и стандарты решения социально-экономических и политических проблем при попытке пересадить их на русскую почву. Именно история Российского государства, ментальные и культурные традиции являются тем корнем, из которого прорастает её будущее.

Как бы прочны ни были мировоззренческие позиции каждого члена общества в отдельности, сколь бы мощным и совершенным интеллектом он ни обладал, в любой стране, и здесь Россия не исключение, ведущую роль в государственном строительстве, укреплении её политической и социально-экономической системы играет *интеллектуальная элита*. Она неоднородна по составу и включает учёных, хозяйственников, представителей политических партий и общественных движений и многих других групп и слоёв общества, но всегда в состав интеллектуальной элиты входит и специфическая группа разноплановых специалистов, чьё поле деятельности мы определяем словом «аналитика». Как бы ни разнились их профессии, как бы номинально не назывались их должности, – всюду этих людей именуют *аналитиками*.

Аналитик – это понятие более широкое, нежели просто эксперт в некоторой отрасли знаний; интеллектуальный инструментарий и опыт практической деятельности аналитика намного шире и не замыкается в рамках одной предмет-

ной области. Аналитик владеет совокупностью интеллектуальных технологий, позволяющей адекватно отражать суть явлений и процессов, выявлять скрытые в потоках текущей информации факторы, тенденции и закономерности развития обстановки, прогнозировать и создавать научную основу для управленческих решений. Как правило, это интеллектуально смелый человек, его отличает отсутствие *синдрома стадного мышления*. Наряду с сугубо прикладной стороной, которой сегодня занято большинство аналитиков в государственных и коммерческих структурах, в аналитической деятельности крайне важна и теоретико-методологическая сторона дела. Необходимо основательное исследование многих вопросов жизнедеятельности государства и общества. Оно роднит аналитику с «чистой наукой» и связано с моделированием базовых социально-экономических и политических процессов, поисковым характером мышления, сознания и культуры человека. *Интеллектуальные пирамиды* всех областей знания держатся только незримыми профессиональными вершинами, выраженными соответствующими книгами.

В России сегодня невелико число высококлассных аналитиков, пользующихся государственной поддержкой и обладающих реальным политическим или научно-концептуальным влиянием. Чрезвычайно важно, чтобы эти люди, занимающие столь высокое положение в обществе, адекватно оценивали процессы, происходящие в стране и в мире. В

противном случае стратегические направления развития государства, его внутренняя и внешняя политика могут подпасть под обманчивое очарование чьей-нибудь специфической, крайне субъективной системы ценностей, а впоследствии выяснится, что она абсолютно несовместима с ценностными установками, обеспечивающими устойчивость общества.

Исторический опыт показывает: нередко такие субъективные стратегии бывают изначально нацелены на разрушение или изменение политической системы государств, подрыв системы международной экономической и военной безопасности. Причём очевидным это становится не сразу, а многими годами позже. Деятельность такого рода, говоря «чекистским» языком, *кротов*, чрезвычайно вредна для государства. К сожалению, в существующей системе государственной безопасности практически отсутствуют механизмы их выявления и блокирования. Период *перестройки* в СССР ярко продемонстрировал это. С тех пор ситуация не улучшилась. Как показывает история, аналитик-концептуалист, консультирующий представителей высших органов государственной власти и управления страны, способен придать столь долговременные тенденции развития государства, что даже после отстранения такого специалиста выход страны или конкретной отрасли из заданного *смыслового коридора* в последующие годы и даже десятилетия невозможен или заводит в тупик, запрограммированный долгосрочным

сценарием.

Мнение о том, что аналитики – «товар штучный», довольно широко представлено в современной социологии, оно исходит из донаучной практики передачи неформализуемого «знания» от отца к сыну, от учителя к ученику. Например, в семейном бизнесе все тонкости дела по сути есть качество и эзотерическое содержание управленческой информации. И незачем её передавать случайному наёмному менеджеру (директору), целесообразнее – сыну, зятю, кузену. Такие механизмы сохранения профессионального мастерства, несомненно, и сейчас существуют у оружейников, ядерщиков, химиков, в научных школах. При этом чем уровень выше – тем сильнее профессиональная среда препятствует вторжению посторонних и становится всё более «герметичной». Этому есть разумное основание – если для нас аналитика не безликий универсальный инструмент, доступный каждому при достаточной усидчивости, а ключевой элемент сакрального мастерства, то каждый передающий несёт особую (если не всю) ответственность за деяния своих адептов. Вот парадоксальный взгляд на Россию, довольно широко представленный в Интернете: настоящие *мастера* в основном уехали за рубеж, и в отчизне аналитическая деятельность скукожилась, просто некому стало передавать немассовое нешаблонизированное *знание*.

Общество в высокой степени инерционно – не только и не столько в экономике, но и, как это ни странно, интеллекту-

ально. В истории не раз общество отторгало новые идеи, даже не удосуживаясь критически их осмыслить. Оказывается, людей, способных выявлять и формулировать то, что скрыто в информационных потоках – смыслы, идеи, тенденции, закономерности, факторы, проблемы, угрозы – явно недостаточно для принятия эффективных управленческих решений. Особенно печальная ситуация сложилась в России – вот уже несколько десятилетий наша страна теряет ценнейшие кадры аналитиков, и они находят применение где угодно, только не у нас. А ведь чем ниже интеллектуальный потенциал общества, тем сильнее в нём деструктивные тенденции. Истощение интеллектуальных ресурсов и сокращение числа их носителей чревато драматическими последствиями.

Сегодня социально-экономическая аналитика России в критической ситуации: неразвитость аналитических способностей политической элиты начинает тормозить развитие общества, государства, науки и технологий. Как уже указывалось во введении, большие проблемы существуют с профессиональной подготовкой кадров для аналитической работы. Конечно, в России есть прекрасные вузы, где программы обучения предусматривают развитие системного мышления студентов, есть ряд специальностей, близко примыкающих к аналитической работе, так, в 2003 году ФУПМ МФТИ открыл подобную специализацию на одной из старейших базовых кафедр «Управление и вычислительные системы», но я говорю о специализации имен-

но в области аналитики. Например, на базе кафедр Вычислительного центра РАН открыта специализация *Интеллектуальный анализ данных*, это одно из актуальных и востребованных направлений прикладной математики. Научные интересы кафедры охватывают распознавание образов и прогнозирование, поиск закономерностей в массивах данных (*data mining*), комбинаторные и алгебраические методы синтеза и анализа алгоритмов, прикладные системы распознавания и прогнозирования; имитационное моделирование. Прикладные разработки ведутся по следующим направлениям: прогнозирование в экономических системах; автоматизация маркетинговых исследований и анализ клиентских сред для производственных, торговых, телекоммуникационных и интернет-компаний; автоматизация принятия кредитных решений и оценка кредитных рисков, мониторинг финансовых рынков, автоматические торговые системы. Среди преподавателей специализации 5 кандидатов и 6 докторов наук, в том числе основатель научной школы академик РАН Ю.И. Журавлёв, а также чл. – корр. РАН К.В. Рудаков. В рамках специализации читаются следующие курсы: *алгебраические системы, математические методы классификации, регрессии и прогнозирования, дискретный анализ, алгебраический подход к синтезу корректных алгоритмов, обработка и распознавание изображений и сигналов, прикладной комбинаторный анализ*. В каждом семестре, помимо теоретических курсов, проводится практикум, предпола-

гающий самостоятельное выполнение и сдачу задания в конце каждого семестра.

Когда мы говорим о необходимости целевой подготовки аналитиков, то имеем в виду аналитиков широкого профиля, гуманитариях-управленцах, способных генерировать эффективные управленческие решения, хотя, конечно, наилучший вариант, если у них есть техническое образование и сформировано системное мышление.

Государство остро нуждается в людях, реально способных системно анализировать социально-экономические, политические и культурные процессы и управлять ими. В то же время многие, кто обладают реальной властью в государстве и корпорациях, зачастую просто не понимают сути многих происходящих явлений и процессов. А почему? Они видят искаженную картину мира, у них нет 3D-сознания, их никто не готовит к восприятию реалий современного мира на основе системного аналитического мышления. Эти субъекты смотрят на вещи *со своей колокольни*. Чем дальше явление от привычных схем восприятия индивида, тем больше искажение восприятия. То, что дальше, представляется маленьким и незначительным, а то, что ближе – большим и важным. Этот своеобразный *оптический обман* государству и народу обходится очень дорого.

Поправить подобную ситуацию можно было бы при наличии *социальных лифтов* для кадров, способных выполнить эту работу. **В стране отсутствуют механизмы связи го-**

сударства с инициативными аналитиками. Российское общество также реально лишено возможности вести поиск аналитиков (координаторов такого рода деятельности) в регионах, предоставлять им условия и ресурсы для работы на общее благо, использовать полученные ими результаты.

Фактически инициативные аналитики децентрализованы по всем общественным сегментам, и привести их к единому знаменателю, полагаю, очень сложно и, скорее всего, технически невозможно. У каждого сильного аналитика свои стартовые условия, свои наработки, источники институционализации и заработка (возможности капитализации информации и знаний).

Таково положение не только в аналитике, но также в науке, технике, политике и т. п. *Сегодня самая главная задача – это массовое обучение людей новым правилам и образам жизни, новым правилам игры.* Но в России пока не видно ни людей, способных эти самые правила придумать, сформулировать, описать порядок их применения, ни инфраструктур (институтов) ознакомления людей с этими правилами.

Результаты того, что в государстве фактически отсутствует подготовка аналитиков, и никто не учит руководителей хотя бы основам системного анализа проблемных ситуаций в различных сферах жизнедеятельности, как говорится, налицо. Именно «плоское», искажённое, а, говоря научным языком, *аутистическое* восприятие реальности – один из главных источников управленческих ошибок и причина того, что

руководители не воспринимают адекватно происходящие в стране процессы, подчас критические, опасные. Некомпетентность и односторонняя информированность элиты – вот главная угроза в современную эпоху. А преодолеть это возможно лишь, признав аналитику неотъемлемым компонентом жизни современного руководителя. Всем нам надо учиться! И это не стыдно в любом возрасте.

За рубежом в число деятелей, которых можно назвать аналитиками мирового уровня, входят К. Аденауэр, З. Бжезинский, Д. Бейкер, А. Гор, Г. Киссинджер, А. Даллес, Дж. Маршалл, Дж. Кеннан, Р. Макнамара, М. Олбрайт, К. Поппер, Б. Рассел, Д. Рокфеллер, Д. Сорос и многие другие. Им посвящены исследования и книги, потому что масштаб их личностей выходит за конкретные исторические рамки.

Например, Аллен Даллес 8 лет возглавлял ЦРУ и в 1945 году именно он вёл переговоры с рейхсфюрером СС Гиммлером о сепаратном перемирии с Западом (в известном сериале «Семнадцать мгновений весны» много художественного вымысла, но данный эпизод исторически достоверен). Но вот что гораздо важнее: 24 года он возглавлял *Совет по международным отношениям* – главный штаб информационной войны против Советского Союза. Именно этот человек был одним из авторов концепции дезинтеграции Советского Союза, реализованной в 1991 году.

Среди этих значительных фигур есть и малоизвестные, но высокопрофессиональные люди. Так, например, Алан Хан-

кок [Напскок 78] ещё за год до ввода советских войск в Афганистан (1979) на основе анализа *соотношения мировых центров сил* и других разработок полностью спрогнозировал течение, исход и геополитические последствия этой проигранной нами войны.

При попытке вспомнить отечественных аналитиков на ум приходят генеральные секретари КПСС, вожди пролетариата, члены царской фамилии, но имена тех, кто своим интеллектом действительно на многие годы определял вектор социального и экономического развития страны нам вспомнить трудно. Например, почти забыт А.А. Малиновский (псевд. Богданов) – основоположник (и единственный представитель!) созданной им *всеобщей организационной науки – тектологии*, 10-ю годами позже подхваченной на Западе и развитой до всем известного *системного анализа*. Его книги были изданы ещё в 20-х годах, но не были востребованы. В этот ряд можно поставить десятки имён выдающихся отечественных деятелей из самых различных сфер – от науки до военного дела и разведки, таких как П.К. Анохин, Н.А. Бернштейн, Н.И. Вавилов, В.М. Глушков, Н.Я. Данилевский, Ю.И. Дроздов, И.А. Ильин, Н.Д. Кондратьев, Н.В. Огарков, А.И. Пригожин, И.Л. Солоневич, Ю.П. Баталин («последний нарком»), В.В. Крылов, Н.А. Шам, Б.М. Ерастов, Р.А. Медведев, Н.И. Штернберг, И.И. Сикорский, В.К. Зворыкин и сотни других людей, каждый из которых по-своему трудился на благо нашей Родины.

У нас в стране почему-то не принято быстро брать на вооружение новые конструктивные идеи, возвеличивать таких людей. История многократно показывала, что часто идеи наших соотечественников быстрее находили отзвук за рубежом. Такое положение сохраняется и сегодня, что представляет немалую опасность для российского общества, поскольку человек, не получивший общественного признания, нередко начинает действовать вразрез с интересами общества и государства. Стремление к общественному признанию вообще присуще людям, а людям, осознающим свою интеллектуальную мощь и подавно: они активно ищут ту среду, где будет признано их интеллектуальное превосходство, воплощены их идеи.

В последние годы в интеллектуальной среде получил обширный самобытный труд аналитиков Калашникова и Кугушева [Калашников 06], известен Егор Холмогоров. Благодаря Интернету на них даже обратил внимание Президент России Д.А. Медведев.

Разошлись книги «Проект *Россия*» (в нескольких томах), выпущенные массовым тиражом под маской анонимности издательством «ОЛМА-Пресс» [Проект Россия 06, 07].

В действительности не только в России, но и в любом другом государстве совсем немного аналитиков высокого класса. Такие люди встречаются практически во всех странах общества, там, где деятельность связана с творчеством и решением сложных задач, что требует значительных интеллекту-

альных усилий. Среди них есть учёные, лидеры радикальных и консервативных политических течений, бизнесмены, военнослужащие, представители спецслужб, писатели, сотрудники средств массовой информации, представители иных профессий. Но именно в России число прирождённых аналитиков, оказывающихся социальными аутсайдерами, особенно велико – они слишком неудобны для тех чиновников, кому не хотелось бы афишировать свои истинные цели, отсутствие настоящего профессионализма.

Однако с точки зрения их влияния на общий интеллектуальный уровень страны в аналитике, как и в науке, политике, искусстве **агрессивно-послушное большинство и это рискованное меньшинство вполне сопоставимы**. Это – как в армии: есть мощные дивизии, полки, батальоны, и есть немногочисленная разведка, от неё подчас зависит многое, если не всё, ибо любая армия без разведки слепа. Подавляя и вытесняя из сферы принятия решений это неудобное инакомыслящее меньшинство (аналитиков), используя лишь арсенал стандартных путей решения проблем, руководство любой организации делает невосполнимую ошибку.

Хочу привести наглядный исторический пример, подкрепляющий мою позицию.

К концу 50-х годов ведущие американские центры имели мощные научные заделы в разработке средств обработки информации. Такие же исследования велись в академических институтах Москвы, Ленинграда и Киева. Когда в 1961 году,

в период *хрущёвской оттепели* «отец кибернетики» Норберт Винер [Винер 67, 83, 03] посетил эти центры, он был потрясён компьютерными проектами советских учёных и остудил пыл американских журналистов по поводу «отсталости» России в области кибернетики, заявив: если не принять решительных мер, русские в ближайшие 10 лет обгонят США и в этой области. Принципиально важно, что к его заявлению отнеслись серьёзно, и в конце 1962 года в Сиэтле (штат Вашингтон) прошло важное по своим последствиям совещание представителей военно-промышленного комплекса (ВПК) и военно-политического руководства США. **Было принято решение о новом подходе при создании сложных систем вооружения будущего.** Эта работа по долгосрочному стратегическому планированию продолжается в США и сейчас. Она описана в нашей предыдущей книге [Курносов 04А, Приложение 1].

Соответствующие программы национального масштаба имели конкретные сроки выполнения этапов работ и осуществлялись по принципу максимальной концентрации ресурсов под жёстким контролем их использования, исключая дублирование, параллелизм и распыление финансов. **Среди приоритетных программ особое место отводилось созданию в США глобальной системы оперативного управления (ГСОУ) с целью (ни много, ни мало!) завоевания стратегического господства в управлении.** Предполагалось, что создание ГСОУ займёт 40 лет

мирного времени, но если поставленная цель будет достигнута, то войны с кем-либо, включая СССР, уже не потребуется. Вдумайтесь в смысл сказанного! Сравните с тем, что произошло в нашей стране в период «перестройки» и происходит сейчас...

Одним из авторов проекта был ведущий специалист «РЭНД Корпорейшн» Роберт Макнамара, будущий министр обороны в администрации Линдона Джонсона, дважды доктор наук (статистики и политологии), впоследствии – автор методологии военно-экономического обоснования целесообразности войны. Действительно уникальная личность. В 1966 году он подготовил обоснование решения о завершении войны во Вьетнаме на основе подсчёта её стоимости. Получалось, что США она обходится дороже, чем Советскому Союзу и поэтому невыгодна: США тратили в сутки 2 млн долл., а СССР – 1 млн долл. Президент США не принял аргументацию Макнамары, и тот принципиально подал в отставку. Ему тут же был предложен пост председателя совета директоров аэрокосмической компании «Дженерал Дайнемикс», а позже он возглавил Международный банк. Благодаря его одарённости и организаторскому таланту, Америка успешно реализовала программу полёта человека на Луну и создала космическую систему «Шаттл» (в СССР впервые аналогичный проект разработан в 1968 году, но был отклонён). Роберта Макнамару (ум. 2009) по праву можно назвать одним из архитекторов американской аналитики и инфор-

мационного могущества США. В том, что эта страна все последние 40 лет живёт в условиях, когда её интересы и амбиции оплачивает весь остальной мир, – немалая его «заслуга».

В настоящее время именно в США готовится грандиозный технологический прорыв, и он определит будущее человечества. Да, Америка за последние годы стремительно деиндустриализировалась, выводя основные производства за пределы собственной территории – по преимуществу в страны Юго-Восточной Азии и в Китай, да, она влезла в грандиозные долги, чтобы сохранять на собственной территории социальную стабильность и кормить десятки миллионов граждан, оставшихся, по сути, в положении зажиточных безработных. **Но в Америке за последнее двадцатилетие отобилозована огромная инновационная армия из 5 млн интеллектуалов со всего мира**, подобно которой не найти во всей мировой истории. И мощь этой армии скоро ощутит на себе всё человечество. Созданные ею технологические новинки в ближайшие 10–15 лет зададут новые стандарты жизни для всей человеческой цивилизации, которые невозпроизводимы на всей предшествующей технологической базе. Проходить этот технологический прорыв будет одновременно с мощными социальными катаклизмами, борьбой государств за сохранение своих позиций.

Сегодня мы живем в открытом научно-аналитическом пространстве, когда многие достигнутые научно-исследовательские результаты не востребованы, их важность не оче-

видна ни для кого, кроме немногих специалистов в узких областях, а также аналитиков-концептуалистов. Большинство серьезных системно-аналитических исследований, создаваемые мыслительные модели малодоступны для научного сообщества, не актуализированы, размыты по десяткам малотиражных изданий. Представляется, что в ближайшем будущем исследования в этой сфере (систематизация, актуализация, личные контакты между исследователями) могли бы быть весьма полезны и продуктивны как один из приоритетов проекта создания *Русской аналитической школы* (РАШ).

Есть и другие научные, прикладные, управленческие и концептуальные направления, весьма востребованные временем. Если удастся органически и профессионально соединить интеллектуальный потенциал аналитиков, в стране будут созданы новые творческие коллективы: работающие команды, проектно-аналитические институты, и при правильной постановке дела они смогут работать в условиях самокупаемости. В принципе, Россия сейчас нуждается в десятках таких *фабрик мысли*. Автор не сомневается, что сама жизнь и усиливающаяся борьба за ресурсы, которых на планете становится всё меньше, а также нарастание вала сложнейших социально-экономических проблем заставят российских руководителей обратить внимание на этот серьезнейший вопрос.

Здесь уместно привести пример с пробками на автодорогах, количество которых продолжает

лавинообразно нарастать. Мне, как и любому человеку, тоже неприятно попадать в пробки. Но, с другой стороны, лица, принимающие решения, тоже попадают в них, а значит, сама жизнь заставит их думать и решать реальные, а не надуманные проблемы. Достаточно высокопоставленным лицам несколько раз попасть в пробку (часто и мигалки уже не помогают, особенно если вместо разделительной полосы стоит многокилометровая железобетонная стена, и её не объехать) и они задумаются, как быть с пробками. Не секрет, кто-то порядком *нагрел руки* на сооружении упомянутых бетонных разграничителей движения. Ведь есть же иные устройства разделения полос, и построить их в разы быстрее, дешевле, эффективнее. А представьте: где-то горит ваш дом (дача), а там ваши близкие, и счёт их жизни идёт на минуты... Во всём мире для этого и предназначены резервные полосы движения, разрывы в имеющихся разделителях полос. Горько видеть и осознавать, что в критический момент, находясь в многокилометровой пробке, помочь вам не сможет ни одна служба спасения. Таковы суровые законы жизни – за всё приходится платить, в том числе за нежелание думать, предвидеть, по-настоящему, а не декларативно заботиться о безопасности. И ваше служебное положение при этом никакого значения иметь не будет, все сразу станут равны. Ни пожарные, ни скорая помощь или машины других экстренных служб, ни вы сами не то что проехать сквозь этот заблокированный бетоном с двух сторон

многокилометровый мешок, но даже развернуться не сможете, чтобы выбраться из капкана. Если бы этот разделитель был из металлических полос, всё же в экстренном случае (того же террористического акта) люди смогли бы отвинтить, раздвинуть как-то хотя бы один пролёт для разблокирования затора, выезда. Но многотонный блок без специальной техники не сдвинуть. Типичный пример бездумности и наживы одних за счёт *молчаливого большинства*. Люди гибнут, а виноватых нет. Ниже мы ещё коснёмся проблемы автомобильных пробок. По-видимому, для их ликвидации обязательным станет принцип одной мудрой индийской пословицы – *сколько болел, столько лечись!* Невозможно одновременно решить проблемы, наслонившиеся годами и десятилетиями. Исцеление будет долгим и потребует значительно больших финансовых и материальных вложений, чем если бы грядущие ситуации были вовремя системно осмыслены. Пробки на дорогах начинаются с пробок в головах. Для меня это совершенно очевидно.

Другой пример. В России проводятся десятки конкурсов красоты, танцев и даже кулинарного искусства. Но где же Всероссийский конкурс аналитиков? На региональном уровне они бывают. Так, я был приглашён в качестве члена жюри на конкурс молодых аналитиков Приморского края, проведённого инициативной группой в мае-июне 2009 года. На конкурс было подано 29 работ, из них 3 заняли призовые места и были опубликованы в Интернете. Но это ведь толь-

ко *первая ласточка!* Такие конкурсы должны стать обычным явлением в каждом субъекте Российской Федерации, во всех крупных городах. А сейчас там проводят только конкурсы полуголых красавиц или певцов – гламурно, конечно, только пользы для кризисной экономики никакой. Где система отбора и обучения аналитических кадров? Где мощные аналитические центры с сотнями *яйцеголовых*, готовых решать сложнейшие социально-экономические проблемы в условиях мирового финансово-экономического кризиса?

Первые ласточки, действующие в этом направлении, у нас уже есть, но по сравнению с западными *фабриками мысли* мы явно проигрываем. В настоящее время одним из крупных и влиятельных центров анализа реальных политических и экономических процессов является Институт современного развития (ИНСОПР), где Д.А. Медведев – председатель попечительского совета. В мае 2011 для реализации крупных бизнес-проектов создано Агентство стратегических разработок. Имеется еще несколько аналитических структур, о деятельности которых я скажу ниже, однако таких мощных интеллектуальных корпораций и центров, как РЭНД Корп. и ДАРПА в США, у нас пока нет.

Нынешнее поколение никогда «не забудет, не простит» тех руководителей страны, которые из-за своего шкурничества и недомыслия, а часто и прямого предательства государственных интересов ввергли СССР и Россию в тяжелейший кризис, в результате чего отечество понесло неисчислимые

материальные и людские потери. Исторические уроки развала СССР должны быть всесторонне исследованы и учтены в текущей политике. Эта работа уже началась, и, когда станет доступной информация, ныне секретная, общество ужаснётся предательству и уровню подлости тех, кто в силу должностных обязанностей обязан был защищать интересы страны. Достаточно привести пример с приватизацией. Вдумайтесь в следующий факт. Приватизация в Венгрии дала государству 2 млрд долл., а в России всего миллиард! То есть практически всё имущество было просто переписано кланами, стоявшими у власти, на самих себя. Появились *олигархи*, обманным путём присвоившие огромные богатства. Именно в этом и состоит сегодня главная беда России, и всем понятно – в ближайшем будущем вернуть народу награбленное никто не собирается, и пройдет немало времени, пока российские граждане, особенно *новые бедные* осознают, что они фактически в цивилизованном рабстве. Уникальное явление – на одной территории, внешне оставаясь в рамках одной культуры, в России фактически уживаются два народа – *простой народ* и *элита* с абсолютно разными жизненными установками, целями, моралью, и видами на будущее как своих семей, так и всей страны. Такие бесперспективные сообщества историк Л.Н. Гумилёв назвал *химерами* (чудовищами, составленными из разных организмов). *Элита* рассчитывает сохранить такой порядок надолго. Что происходит с ним на самом деле, показывает время.

Наше государство стало жертвой рискованной финансовой и экономической политики ряда лиц, руководителей различного ранга – от директоров заводов и председателей колхозов до генерального секретаря компартии и президентов. Страна продемонстрировала необычайную слабость аналитической составляющей в управлении, безграмотность её руководящего звена, не сумевшего предвидеть последствия и противостоять разрушительным процессам. В ЦК КПСС, КГБ СССР, Госкомстате СССР имела вся необходимая информация о происходящих процессах, новых рисках и угрозах, но никто в руководстве страны не понял, что распад системообразующих ценностей приведёт к катастрофическим последствиям. Не были приняты соответствующие управленческие решения, адекватные меняющейся ситуации. Наблюдался феномен сплошного сокрытия информации, чтобы утаить собственную несостоятельность и некомпетентность. Лидеры не захотели и не смогли сориентироваться в сложной информационной обстановке, не сумели осознать того, что **холодная война представляла собой не столько военное и экономическое противостояние, сколько борьбу в интеллектуально-информационной и идеологической сфере**, а в результате пострадали миллионы простых людей, которые были отброшены в нищенское состояние и духовную прострацию, утратили нравственные ориентиры.

К сожалению, элита сама оказалась тёмной, необразован-

ной. Она была не в состоянии понять суть и механизмы происходящих деструктивных процессов, разработать аналитический прогноз и пути выхода из надвигавшегося кризиса. Конечно, очень хотелось бы думать, что ситуация, складывающаяся в России сегодня, в 2012 году, качественно иная, что государство в целом стало более открытым, опытным и сильным. Во многом это действительно так. Но если откровенно и непредвзято посмотреть на положение вещей, то видно, как мало по сути произошедших позитивных изменений. Огромная часть народа продолжает не жить, а выживать. Производственные мощности практически не развиваются, экономика остаётся экспортно-сырьевой.

Самое печальное, что значительная часть руководящей элиты, которая отвечала за безопасность государства и должна была обеспечивать устойчивость общества к информационно-психологическим воздействиям, оказалась слабо развитой и неспособной среагировать на действительно новые, нестандартные угрозы, потому-то противники России и смогли посредством деструктивных воздействий и нанесения ударов по *точкам развития* разрушить целостность всей системы информационного обеспечения управления государством и обществом.

СССР был крупной гиперкомплексной динамической системой, [Малюта 89, 90, 91] и развалить её можно было, только применяя системные методы, направленные на деструкцию всех видов внутрисистем-

ного взаимодействия на всех эмерджентных уровнях советского социума. Применение таких методов системного разрушения возможно только «сверху», т. е. инициировали развал СССР люди, обладавшие в нём высшей властью в СССР. Да, я считаю, что людьми, развалившими СССР, были в основном сами руководители СССР. Это они не смогли адекватно отреагировать на появившиеся неблагоприятные объективные факторы, а подчас и сами провоцировали запуск многих деструктирующих процессов. Про *агентов влияния* и *масонов* в международном отделе ЦК КПСС принципиально писать не буду, эту тему оставим для нового издания отдельной моей книги «Тайные доктрины вчера и сегодня». Главный результат, достигнутый спецслужбами и иными организациями США, это не только развал СССР и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ), но, прежде всего, **долларизация страны**. Именно она придала стратегемный (простой, но обеспечивающий победу в войне) характер всему процессу деструктивного воздействия Запада с целью уничтожению стран социалистического блока, растянувшегося на десятилетия и не завершённого до сих пор. Сейчас западный капитал активно орудует на «свободных» рынках бывших социалистических стран и получает с этого весьма немалые дивиденды, включая открывшийся доступ к богатейшим ресурсам этих государств. Внутри страны ещё раз была актуализирована русская пословица: *ломать – не строить*. Чтобы построить раз-

витой социализм, понадобилось семь десятилетий, а чтобы разрушить – хватило и одного десятилетия.

Наряду с сознательным воздействием на Россию, в ней невольно, непреднамеренно и даже случайно! – создавались такие условия, что **выгодно стало воровать**. Называется это – *институциональная ловушка*. Сами «институты» – это просто совокупность норм и правил поведения (если не для всех, так для определённой группы людей). Неэффективные институты государства и общества как раз и создают условия, когда воровать выгодно, а коррупция – простейшее, но эффективное средство решать любые вопросы. **Парадокс в том, что воровство и взяточничество становятся рациональным образом жизни.**

В настоящее время в России объявлена новая компания – по борьбе с коррупцией. Моё мнение по данному поводу таково (попробую объяснить это на двух уровнях – научном и обыденно-практическом, так сказать, на языке родных осин): с теоретической точки зрения, коррупция – это только одна из форм деструктурирования, фрагментации элиты, она понижает иммунный порог, защищающий систему от внешнего агрессивного воздействия. Правильнее сравнивать коррупцию не с раком, а именно с вирусами, заражающими организм человека извне. Внутри коррумпированного сегмента элиты следует искать инородное тело – проще говоря, агента влияния, это он целенаправленно работает на разложение находящейся в зоне его «ответственности» или

достижимости части не только элиты, но и всего социума, в том числе и посредством коррупции. Представьте, что происходит, когда в обычный аквариум с гуппиями запустить одного маленького ёршика...

Практическую же суть вопроса наглядно поясняет высказывание Маргарет Тэтчер во время её первого визита в СССР в период перестройки в качестве премьер-министра Великобритании, когда на пресс-конференции в ответ на вопрос корреспондента о том, что нужно, чтобы победить коррупцию в Советском Союзе, она сказала: «Для начала надо, чтобы в руководстве государством были хотя бы три человека, которые искренне хотели бы это сделать».

Укажем ещё на одно обстоятельство, указывающее на необходимость и важность становления аналитики в России: рынку свойственны провалы, то есть он вовсе не «всемогущ», как нас уверяли западные консультанты и наши собственные руководители. Более того, математически доказано, что при некоторых строго определённых условиях стихия рынка способна только ухудшить положение. Но вся беда в том, что у нас просто не знают не только об этих условиях, но даже и о том, что такие эффекты вообще бывают! Точнее говоря, провалы присущи не рынку как таковому, но *современным макроэкономическим моделям рыночных процессов*. Рынок существует всегда, пока существуют товарно-денежные отношения, и даже порой без них. Кроме того, любая самая изощрённая математическая модель стано-

вится недейственной, если в процесс вмешивается неучтённый фактор. *Математическая смерть модели* – вещь абсолютно нормальная, и с этим явлением постоянно сталкивается любой аналитик, в том числе в сфере финансов. Наступивший мировой финансово-экономический кризис ярко демонстрирует, что бездумное следование чужим финансово-экономическим рыночным моделям самоубийственно для российского государства. Не так давно одна за другой вышли любопытные книги [Кузьминов 05] и [Сухарев 08] с интересными факты по данному поводу.

Из этого следует, что аналитический потенциал общества и государства не может быть сосредоточен исключительно в элитарных группах, близких к управленческим кругам, напротив, мощная его часть находится в народной массе – экспертно-аналитическом сообществе, которое своим совокупным интеллектуальным потенциалом могло бы подкреплять и подпитывать лиц, принимающих управленческие решения.

Задача информационно-аналитического обеспечения управленческой деятельности состоит в том, чтобы лица, принимающие решения, располагали качественной информацией в необходимом и достаточном объёме, а также компетентным референтным окружением. Любые радикальные реформы, затрагивающие общество в целом, проводимые без должной подготовки и системной проработки, чреватые большими издержками и негативными последствиями, что

ярко высветили последние годы. На государственном уровне этот баланс призваны обеспечивать аналитические службы и подразделения, на уровне субъектов административно-хозяйственной и экономической деятельности – *информационно-аналитические* отделы, экспертные группы, советы директоров и иные организационные единицы. Поскольку руководитель и аналитик всегда рядом, последний своими рекомендациями оказывает значительное, а порой и определяющее влияние на процессы управления. Но есть и суровая правда жизни, когда, к сожалению, у нас место *аналитика* в ближайшем референтном окружении руководителя практически всегда занимает «серый кардинал», он же *идеолог-политрук*, имеющий *доступ к телу*, и он *капает на мозги* руководителя в нужном для самого помощника русле. Иногда это просто доверенное лицо, приятель, родственник, собутыльник. Как-то один из моих учеников, сотрудник ФСБ России, мне сообщил, будто он побывал на заседании *московской масонской ложи*. Приведу лишь повестку дня «заседания»: 1) о выпуске книги Маккиавели «Государь»; 2) о способах скрытого влияния референтного окружения на руководителя.

1.1. Традиция: эзотерические корни аналитики

Аналитическая деятельность неразрывно связана с процессом *интеллектуального взросления* человечества. Начиная с античных времён, ею занимались лучшие и передовые умы всех народов. Древние философы, учёные Средневековья и эпохи Возрождения, энциклопедисты Нового времени, архитекторы индустриального общества и создатели новейших интеллектуальных технологий XX века являлись, прежде всего, высокоразвитыми самодостаточными личностями, не склонными к стадному мышлению, подвижниками мысли и Духа, стихийными или сознательными *системщиками*, умеющими возвращать новое качество из уже имеющейся информации, заглядывать в будущее, делать прорыв в Новое. Зная цену этим качествам, правители и политики всех времён стремились обратить интеллектуальную мощь этих людей на службу своим интересам. Многие аналитики и сами поднимались до уровня руководителей государств, правительств, крупных политических или экономических структур.

Мировые религии, исполняя миссию морального воспитания человека и формирования его общей культуры, постепенно утрачивают свою роль. Уже в конце XVIII в. крупнейшие мировые религиозные конфессии столкнулись с пробле-

мами мировоззренческого плана и начали тормозить развитие научной мысли, удерживая человечество в узких рамках религиозного сознания (его возраст даже у самых молодых религий сегодня насчитывает сотни лет). Понятно, что миллиарды людей всё ещё пребывают в интеллектуальном невежестве, и человечеству предстоит ещё много веков обращаться к опыту создания религиями духовно-этических концепций, удерживающих значительную часть общества в моральных рамках. Однако стратегическим направлением интеллектуального развития мировой цивилизации является именно наука.

Так как аналитика своим происхождением отчасти обязана философским доктринам, она сохранила привычку опираться на какую-нибудь теоретическую систему, с которой она каким-либо образом оказывается связанной. Аналитика в прошлом, как и большинство протонаук, существовала в эзотерической форме, являясь делом избранных. С течением времени всё больше профессий требовали системного мышления, и росло число людей, использующих аналитику как инструмент в практической деятельности.

Среди эзотерических корней аналитики значимую роль играет понятие *традиции*. За последние годы это понятие реабилитировано, обрело позитивный смысл. Но в спекулятивно-политических целях его значение размыто, хотя в основном под ним подразумевается нечто стабильное и позитивное, идущее от традиционного общества, основанного на

сакральной религиозной Традиции. Имеется много работ, посвящённых раскрытию роли традиции в жизни общества [Генон 92, 93, 94], [Элиаде 09], [Эвола 09], [Георгий Гурджиев б/г], [Дугин 90, 94, 00А, 00Б]. В них предпринимались попытки обозначить и сакрализовать некоторую *мета-традицию*, существующую в каждом государстве и объединяющую наиболее существенные аспекты общественного бытия. Не ставя задачу всерьёз разбирать эти во многом схоластические и фантастические построения, поскольку данному вопросу посвящена моя отдельная монография [Курносов 98], отметим позитивное значение содержащихся в этих работах идей, важных для аналитики в целом. Очевидно, что *традиция* – это не столько материальные формы любой цивилизации, а также формы её социальной (институциональной) организации, всегда достаточно пластичные, подвижные, допускающие *кросскультурные заимствования и переносы*, сколько методы мышления, сами интеллектуальные способы создания материальных форм. Когда мы говорим *китайская* (русская, японская, британская, американская) *традиция*, мы имеем в виду отнюдь не только сегодняшний день нации, но и её достаточно длительный культурно-исторический, социально-технологический контекст, подразумевающий традиционные ценности, предвзятости, заблуждения, своего рода «антиуниверсализм», содержащийся в менталитете любого народа.

Нашим размышлениям о роли аналитики в системе *Зна-*

ния поможет следующий наглядный пример, иллюстрирующий *антропологический принцип* аналитики. Когда ребёнок растёт, он постепенно адаптируется к окружающему, усваивает опыт взрослых и общества, перенимает навыки социальной организации – язык, необходимость учиться, усваивает базовые ориентиры половой, классовой, расовой, национальной идентичности. Что-то он осваивает подсознательно, путём подражания, чему-то обучается сознательно. Сфера его разумных усилий до вступления во взрослую жизнь – получение объективного знания, каковое неизвестно ещё в какой степени может быть востребовано в жизни. Но далее, по мере взросления и развития, далеко не все дети, получившие принципиально одинаковое образование, равно преуспеют в этой жизни. Меняются архетипические варианты судеб индивидов и коллективов. Помимо школярских, формализованных навыков обучения, накопления багажа знаний, не менее важную роль играют врождённые способности, внутренние сущностные качества индивида, умение адекватно реагировать на меняющуюся внешнюю среду, а также ведущие устремления, нацеленные на выстраивание вектора своей судьбы [Юнг 95, 97]. Наверное, это разведение понятий полезно для иллюстрации различия между такими мощными по объёму категориями как *наука* и *аналитика*.

В рамках науки преимущественно формируются узкие специалисты, много и точно знающие в рамках своей дисциплины, аналитики же являются носителями более универ-

сального *междисциплинарного Знания*, из их среды вырастают методологи-концептуалисты. В этом же ряду вопрос о том, что лучше: ум, хорошо наполненный или ум, хорошо устроенный?

Пробный камень любой теории, любой науки – это видение *Знания*. Многие учёные рассматривали эту проблему и пришли к выводу, что *Знание* всегда существует в социальном и политическом *контексте*. На это указывает ряд исследователей: Мишель Поль Фуко, Жак Деррида, Юрген Хабермас. Отсюда вытекает принципиальный вопрос о статусе тех или иных видов и форм знания, тех или иных учебных предметов. Основными видами знаний принято считать:

– *жизненное* (строится на *здоровом смысле*, является эмпирическим, ограничивается констатацией фактов и их описанием; основываясь на обыденном сознании, определяет повседневное поведение людей, их взаимоотношения между собой и с природой);

– *практическое* (строится на действиях, овладении и преобразовании предметного мира);

– *художественное* (строится на идеальных образах, отображающих мир и человека в нём);

– *научно-рациональное* (строится на понятиях, категориях, общих принципах и закономерностях как инструментах познания действительности в её прошлом, настоящем и будущем; адекватно отражает реальность в логических понятиях, строится на рациональном мышлении; предусматрива-

ет систематизацию и обобщение достоверных фактов; предвидит разнообразные явления;

– *иррациональное* (отражает реальность через эмоционально-чувственную сферу – в эмоциях, страстях, переживаниях, интуиции, воле, аномальных и парадоксальных явлениях); не подчиняется законам логики и науки; сюда же следует отнести различные формы *традиции, наследие предков, древние архетипы*;

– личностное (неявное, зависящее от как индивидуальных способностей субъекта, так и особенностей его интеллектуальной деятельности).

Основными *формами знания*, если рассматривать его в отношении к науке, являются:

– *научное* (объективное, системно организованное и обоснованное) знание;

– *ненаучное* (разрозненное, несистематическое) знание, не формализуемое и не описываемое законами;

– *донаучное* (прототип, предпосылки научного знания в прошлом);

– *паранаучное* (несовместимое с параллельно существующим научным знанием, хотя может носить отдельные его черты);

– *лженаучное* (использует домыслы и предрассудки);

– *антинаучное* (утопичное, выдуманное знание или сознательно искажающее представление о действительности).

Научное знание (по степени проникновения в его содер-

жание и по уровню обоснованности) может выступать в форме научного факта, научной идеи, научной гипотезы и научной теории. Такой подход позволяет отойти от определения формы существования методологии науки в том виде, в котором эти формы сложились: «учение», «система взглядов», «система деятельности», «совокупность научных положений» и пр. Высшей формой научного знания является теория. Теория в более узком и специальном смысле – высшая, самая развитая форма организации научного знания, дающая целостное представление о закономерностях и существенных связях определённой области действительности – объекта данной теории. Методологические проблемы аналитики подобны рассматриваемым в науковедении [Рачков 74], [Краевский 01А, 01Б].

Наука упорядочивает эмпирический материал путём его классификации и систематизации. Научное знание имеет весьма сложную структуру из множества самых разнообразных элементов. На первичном уровне науки можно выделить, например, понятия *суждения*, *умозаключения*, однако они не выражают специфики научного знания, поскольку в таких же формах осуществляется и донаучное (протонаучное) познание мира.

Для системы научных знаний характерно использование крупных блоков, каковыми являются *гипотеза*, *теория*, *модель*, *концепция*, *закон*, именно они характерны для современной науки. Аналитика же «работает» преимущественно с

формами научного знания, отличающимися, скажем, от суждений, не формально (как, например, теория или модель), а, в основном, функционально. К их числу относятся *проблема, идея, принцип, предположение* и т. п., то есть категории академически актуализированные. С формальной стороны это просто обычные суждения. Однако по своим функциям в аналитическом процессе и в организации знания указанные формы существенно различны.

Наука как ведущая форма общественного сознания – это огромная иерархическая система, где на различных уровнях упорядочены факты, представления (и вытекающие из них понятия), теории, законы, научная картина мира. Фундаментом любой науки являются представления об изучаемых явлениях и объектах, полученные в результате анализа научных фактов. Система представлений о конкретном явлении формирует научную систему в виде теории. А система научных представлений на те или иные явления, связанные между собой, вытекающие одно из другого, и составляющие основу теории, формируют концепцию данной теории. Научные концепции, в свою очередь, формируют у людей мировоззрение.

Наука развивается благодаря научному творчеству, т. е. новым открытиям и решению проблем, возникающих по мере её развития. Всё это служит основой для создания научных концепций о конкретной группе явлений исследуемого мира. В итоге формируется *научное мировоззрение*, кото-

рое определяет, в каком направлении и в каком темпе пойдёт развитие цивилизации в целом и может ускорить или затормозить его.

Научное познание отличается от обыденного и практического познания также своей *системностью* и последовательностью, как в процессе поиска новых знаний, так и упорядочения всего известного, наличного и вновь открытого знания. Каждый последующий шаг в науке опирается на шаг предыдущий, каждое новое открытие получает своё обоснование, когда становится элементом определённой системы знания. Чаще всего такой системой служит *теория*, как развитая форма рационального знания. В отличие от этого, *обыденное знание* разрознено, случайно, не организовано, в нём преобладают не связанные друг с другом отдельные факты, либо их простейшие индуктивные обобщения.

В Новое время возник взгляд, согласно которому подлинное знание даёт только наука, опирающаяся не только на математику, как считал Платон, но и на экспериментальный метод – его создал и впервые успешно применил Галилей. Поэтому великие основоположники классического естествознания Галилей и Ньютон неизменно подчёркивали: научное знание следует строго отличать от вненаучного всех видов. В XVIII в. с анализом структуры и границ науки выступил И. Кант, попытавшийся с позиций философии обосновать научное знание, представленное ньютоновской механикой. Он предложил точно очертить границы науки, тем самым от-

делив её от *веры, мнений, мифов* и других форм донаучного знания, а также от *искусства, нравственности, религии* и других форм сознания.

Гегель, подошедший к рассмотрению истины как диалектического процесса движения мысли, стал рассматривать знание в более широком контексте. Поэтому он включил в состав знания и его донаучные формы, а также современные формы духовной культуры. Такой диалектический подход к знанию был в дальнейшем воспринят и марксизмом, учением, которое в СССР было принято считать *истиной в последней инстанции*.

Формы знания в огромной степени зависят от историко-культурного контекста.

Можно различать три основные его историко-культурные трактовки:

- европейское рационализированное знание;
- восточное (вырабатываемое в результате личного опыта);
- каббалистическое (знание как инструмент власти).

Аналитика работает во всех этих аспектах. Аналитика фактически и есть власть Знания, главными качественными характеристиками которого являются рациональность, оптимальность и своевременность.

Говоря о формах знания, следует упомянуть достаточно известную (особенно в современной западной гносеологии) *концепцию личного знания* [Полани 85]. Философ М.

Полани, её автор, трактовал знание как активное постижение познаваемых вещей, действие, требующее искусства и особых инструментов. Поскольку науку творят люди, то получаемые в результате знания, как и сам процесс научной деятельности, нельзя деперсонифицировать, отделить от личности учёных, их творцов, со всеми личностными интересами, пристрастиями, целями последних, как нельзя и механически заменить одних учёных другими. Таким образом, личностное знание необходимо предполагает интеллектуальную самоотдачу. В нём запечатлена не только познаваемая действительность, но и сама познающая личность, её заинтересованное (а не безразличное) отношение к знанию, личный подход к его трактовке и использованию, собственное осмысление его в контексте специфических, сугубо индивидуальных, изменчивых и, как правило, неконтролируемых ассоциаций. [Алексеев 91], [Ильин 94].

Для *типологизации* знания можно принять самые различные основания (критерии). Выделяют, например, знания рациональные и выражаемые эмоциями, феноменалистские и эссенциалистские, эмпирические и теоретические, фундаментальные и прикладные, философские и частнонаучные, естественнонаучные и гуманитарные, научные и вненаучные и т. д. Согласно Полани человеку свойственны два типа знания: *явное*, артикулированное, выраженное в понятиях, логичных суждениях, теориях и других формах рационального мышления, и *неявное*, имплицитное, не поддающееся

полной рефлексии на основе человеческого опыта [Полани 85]. *Неявное знание* не артикулировано в языке и воплощено в моторике, навыках восприятия, практическом мастерстве. Оно не допускает полной экспликации, изложения в учебниках, а передаётся «из рук в руки», в общении и личных контактах исследователей. Именно признаки такого неявного знания в большой степени присущи аналитике.

В настоящее время усиливается интерес к иррациональному, тому, что лежит за пределами досягаемости разума и недоступно известным рациональным подходам. Всё более укрепляется убеждение в том, что человеческое подсознание и есть та глубина, откуда появляются все новые смыслы, идеи, творения. Взаимопереход рационального и иррационального – одно из фундаментальных оснований процесса познания, крайне важное для аналитики. Однако значение внерациональных факторов не следует преувеличивать, как это делают сторонники иррационализма. [Кириленко 95], [Диалектика 88], [Кочергин 90].

Маниакальное стремление к тестированию и стандартизации в современном образовании, навязанным России извне в рамках *Болонского процесса*, приводит к неоправданному преувеличению роли и значения технического знания, поддающегося измерению и количественной оценке. «Реформа» образования в России с её Федеральным Законом об образовании, Единым госэкзаменом (ЕГЭ), Федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС) явно

выражает интересы части российской элиты, заинтересованной в оглушении народа, чтобы сделать его более управляемым. Ведь чем выше уровень образования, тем труднее манипулировать человеком. Уменьшение объёма учебных часов по таким предметам, как математика и физика, фактическое изгнание из школьной программы... астрономии (!) не только снижают уровень интеллекта и эрудиции учеников, но и дерационализируют сознание людей, ослабляя умственно-образовательный потенциал страны.

Крайне важно *гуманитарное знание*, оно развивает созидательное (креативное) отношение к действительности в более широком контексте, создавая в сознании *целостную картину мира*. Именно оно выражает скрытую качественную связь между наукой и аналитикой: информацию, полученную из опыта или дискуссии (хотя бы и с самим собой) нужно преобразовать в материал более высокого уровня – *систематизированное Знание*, что в результате глубокой обработки имеющейся информации или добавления новой с использованием специфических методов аналитики приводит исследователя к более ясному пониманию проблемной ситуации, процесса, метода и т. д. Конечно, дискурсивные научно-методологические основания здесь необходимы, но не менее важны *интуитивные прозрения*, креативные нестандартные подходы.

Наука – это знание, приведённое в систему. Аналитика – инструмент (и метод, и средство одновременно) *выявления*

системных взаимосвязей для построения систем. Аналитика – научная дисциплина с присущей ей формализацией научных знаний. На мой взгляд, аналитика в современном обществе, учитывая тотальную информационную контрматериальную и контрпромышленную революцию, должна занять место *науки наук*, какое у Аристотеля занимала философия. Если сравнить науку с автомобилем, то аналитика это его навигатор, указывающий цель движения, и фары, освещающие путь во тьме.

При внешней схожести многих компонентов различных традиций их внутренние структуры, и особенно содержательные стороны, вовсе не тождественны. Отсюда вытекает проблема сложности и контрпродуктивности рекомендаций аналитики в виде прямых заимствований из иного контекста без культурной адаптации к данной традиции. Часто подобные «рекомендации» служат для интеллектуальных диверсий или являются разновидностью добровольного самообмана по аналогии с тем, как если бы при создании генномодифицированных продуктов (ГМП) в генную цепочку традиционного продукта встраивали чужеродное звено и получали что-нибудь вроде помидора с вкраплениями генов черепахи для долговечности хранения или помидора-крокодила – для иных целей. Вытеснение подобными ГМП качественного отечественного продовольствия также может служить аналогией внедрения чужеродных традиций для развала государства изнутри. Именно по такой схеме Запад разва-

ливал Советский Союз, используя *агентуру влияния* в коридорах власти и внедряя псевдодемократические ценности.

Многие наши сегодняшние социально-информационные, и как следствие – политические и экономические проблемы обусловлены отсутствием отечественного *Русского Проекта*. Вернее, он есть, опубликованы, частью анонимно, его варианты [Проект 06, 07], [Кобяков 07], [Тулеев 04], [Кашанский 06], но они не признаны руководством страны, малоизвестны обществу. Отсюда – в отечественной методологии аналитики излишняя плюралистичность, комбинаторство, слепое заимствование из чужого (преимущественно англосаксонского) контекста ключевых идей управленческой мысли и западной аналитики как таковой. Действительно, трудно рассчитывать на успех, создавая новаторскую модель из неподходящего материала, механически перенесённого из другого контекста, другой традиции. Народная мудрость гласит: *попытка скрестить ужа с ежом заканчивается колючей проволокой*.

Как ни парадоксально, но многие эзотерические понятия можно так или иначе использовать в аналитической работе, ибо они дают ключи к пониманию важных и принципиальных её вопросов. Например, среди категорий эзотерики есть *карма*. В противоположность метафизическим и оккультным доктринам современная (академическая) наука ею практически не пользуется. Тем не менее, это понятие достаточно органично укладывается в семантические поля де-

терминистской науки нашего времени, выступая практически синонимом причинности в материалистической диалектике при условии снятия ограничений последней: *раньше – позже, прямые – косвенные причины, причины первого, второго порядка* и т. д., вплоть до вероятностного характера интерпретации событий (поиск причинно-следственной связи) и самих событий.

Категория *кармы* в индоарийской религиозно-философской традиции связано со *всеведением*, фактически равнозначным современному представлению об *информационном поле*. Кроме того, «там» карма иногда несёт иной смысловой оттенок: невежество, неведение, моральная слепота, когда непознанная причинность мстит тем, что из-за *неполноты Знания* приводит к неверным выводам. *Всеведение* предполагает, что любая онтологическая реальность, даже невыразимая на рациональном человеческом языке, принципиально постижима и влияет на всё, в том числе, и прежде всего, на нашу способность целостно воспринимать и осмысливать реальность, включающую нас самих и нашу способность постигать её.

В первом приближении, как в индобуддийском, так и в современном научном познании (меж ними практически нет гносеологических разногласий), категорию *цели* можно сформулировать следующим образом.

Развитый субъект, сумевший преодолеть ограниченность собственных представлений, встречается с многомер-

ной вселенной, развивающейся (пульсирующей) по своим законам, весьма отличным от ограниченных представлений человеческого рассудка. Причём важно здесь отметить, что речь здесь идёт вовсе не о святости (знании Святых), дарующей прозрение, а очевидно об одномоментном и сакральном, но вполне добротном научном Знании, оперирующем категориями онтологической реальности, о чём ниже.

Несомненно, издревле в социальном поле встречались одиночки, способные благодаря своему интеллекту скрытно направлять протоинформационные (протоаналитические) потоки путём «вброса исподволь» ключевых идей, образов, моделей поведения. В нашей отечественной традиции их называли *старцами, учителями*, в индоарийской – *посвящёнными* [Шюре 07], *гуру, махатмами*. Есть много заблуждений относительно содержания их *знания*. Рассмотрению этих вопросов, в частности механизмов встраивания оккультно-мистических объединений в социум для реализации различных *тайных доктрин* посвящены моя докторская диссертация [Курносоев 97Б], другие публикации.

Применительно к задачам нашей книги укажем на следующее. В глубокой древности так называемые *дары посвящения* люди получали от *жрецов, шаманов, старцев, пророков*, религиозных реформаторов, царей-воинов, монахов-советчиков. Вся же остальная жизнь традиционного общества (сельское хозяйство, ремёсла, охота, мореходство, торговля) протекала, как было заведено исстари. Но временами спон-

танно из рук высших руководителей – жреческой касты и царей, в социум направлялись *скрипты*, своего рода предписания с культурным кодом (не обязательно письменные), аналогичные скриптам современных компьютерных программ, быстро, эффективно и всесторонне воздействующие на весь социум.

Когда в Древнем мире возникает наука, искусство, то именно на этой грани культурной востребованности возникли Великие Учители, которые помимо своего небольшого референтного окружения (Аристотель у Александра Македонского) оказывали несомненное воздействие на менталитет тогдашнего гражданского общества (Солон, Платон, Марк Аврелий, Константин Великий). Великое Возрождение, по сути, восстановило эту традицию, которая проявилась в *Великих умах и Талантах* – художниках, скульпторах, дипломатах, многогранных личностях, вместивших в себе все культурные ценности той эпохи – Фрэнсис Бэкон, Леонардо да Винчи, Микеланжело, Пуссен и др. Мировое развитие музыки, живописи, архитектуры перманентно продолжалось в XVII–XX вв., вплоть до II Мировой войны. С каждым десятилетием всё сложнее становилось вместить в себе всю мудрость века сего, «последними из могикан» были Гёте, Н.Ф. Фёдоров, О. Шпенглер, Д.Л. Андреев, Жак Кокто, оказавшие громадное влияние на ментальный мир, раздираемый политическими и религиозными страстями, войнами и противоречиями.

Развитие современной (новоевропейской) науки породило также плеяду блистательных умов, способствовавших перевороту человеческого менталитета, и также несомненно, что они появлялись в нужное время в нужном месте – Ньютон, Гумбольдт, Т. Эдисон, Н. Тесла, Д.И. Менделеев. Но и здесь задачи постоянно усложнялись, так что полностью раскрыть своё предназначение (говоря эзотерическим языком – свою монаду) смогли только те редкие люди, кто органически соединил в себе технический гений (новаторство) и фундаментальное научное знание социальной политики, финансов, практического менеджмента, умение управлять людьми, например, Г. Форд. В первой половине XX века, когда возродился национализм и доминировали идеократии, были востребованы социальные вожди, вокруг которых происходили иррациональные «чудеса» – Ленин, Сталин, Муссолини, Чемберлен, Ганди, Неру, Мао Цзэдун, Гитлер, до Чаушеску включительно. Никогда ни до, ни после в социальной политике не было такой востребованности на вождей-контролёров социально-ментального плана, манипуляторов общественного сознания, и, вне сомнения, эта форма самореализации доминировала в «вождизме» как таковом. В 60–80 годы «дух века сего» концентрировался в генералах Вооружённых Сил и производства, генеральных конструкторах – Б.М. Шапошников, Р.Я. Малиновский, В.Ф. Маргелов (основатель ВДВ), А.Н. Туполев, С.П. Королёв. Сейчас часто ищут *Благодать Божью* в церквях, монастырях, студиях ху-

дожников, но пока эти поиски практически безуспешны.

Здесь стоило бы поставить гораздо более глубокий вопрос: **а может ли каждый взобраться на вершину Аналитики? Ответ: «нет».** К сожалению или к счастью?

Можно математически корректно доказать, что количество людей, которые способны работать «на высших уровнях» любого знания всегда есть и будет впредь чрезвычайно мало.

Задача моей книги вовсе не в том, чтобы «научить высшему пилотажу»: это *невозможно* в принципе, потому что доступно далеко не каждому. Задача книги – **научить технологиям прикладной аналитической деятельности**, повышения эффективности обработки информации на личном уровне (а это может усвоить каждый), усилить мотивацию к самостоятельному интеллектуальному труду.

Можно высказать некоторое странное предположение: сама семантика продуктивного поиска, вектора важнейших устремлений человечества и того, что называют *скриптами*, кочует с развитием цивилизации, а её высокие образцы и достижения (patterns) не есть нечто статичное. Правоту нашей догадки подтверждает следующее обстоятельство – улицы на Руси сперва называли в честь святых, защитников Земли, тружеников. Изначально названия улиц носили чисто цеховой характер, как и везде в средневековье – Хлебная, Шерстяная, Денежная, Мукомольная, Лубянская и т. д. Затем – в честь великих воинов (А. Невский, М.И. Кутузов, А.В. Су-

воров, Ф.Ф. Ушаков). Затем деятелей культуры – созидателей нового языка и мышления, ярких художественных образов – А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов, Ф.М. Достоевский, М.М. Коцюбинский, Н.А. Верещагин. Затем революционных вождей и революционных администраторов-управленцев – А.С. Щербаков, М. Горький, В.П. Ногин и т. д. Затем – выдающихся генеральных директоров и военачальников – Г.К. Жуков, А.Н. Туполев, С.П. Королёв. Наверное, дальше знаменитыми будут становиться люди, которые наиболее синтетически и безболезненным образом смогут обеспечить гражданский мир, уменьшение конфликтности между народами, служение Отечеству, создание новых технологий.

Интегральный самоопределяемый вектор эволюции позволяет не тащить в будущее всё, ставшее общим местом, но сфокусироваться преимущественно на том, где действительно востребованы выдающиеся мозги, способные к творческому синтезу знаний и реальной социально значимой деятельности.

Со времён Платона и Аристотеля в европейской научной традиции явственно просматриваются две зримые тенденции, основанные на **онтологическом и гносеологическом концептуальных подходах**. Мыслящих людей на нашей планете всегда беспокоили два принципиальных вопроса: **как мир устроен и как мир познать?**

Первая тенденция, онтологического характера, отвеча-

ющая на вопрос – «*как устроен мир?*» – связана с систематизацией, доведённой до предела формализацией и классификацией, ставших основными методами средневековой богословской схоластики и, впоследствии, – науки. Рационалистическая интерпретация Библии, других артефактов культуры, связанных с мифотворчеством, иносказанием, уподоблением, породила Возрождение, протестантизм, новоевропейскую культуру (Декарт, Гёте, Гумбольдт, Мендель, Дарвин). На этом пути мыслители пытались создавать *онтологическую картину мира*, множественные концепции структурного устройства бытия.

Вторая тенденция, гносеологическая, основывается на путях исследовании самой онтологической реальности, процессов, идущих в самой жизни и нацеленных на познание её феноменов, что ближе к прикладной науке, хотя это вовсе не обязательно. Гносеологический подход нацелен на то, *как познать объект*, какой методологический инструментарий применить, какое операциональное знание законов мышления использовать.

Если разбираться глубже – хотя у этих подходов, по сути, единые предметные области и семантические поля, но разное целеполагание. Формализация, схоластика оперирует уже известным, суммами текстов, информацией, отражая и структурируя реальность, создавая онтологическую картину мира. Гносеология ищет новые формы, методы, способы познания, рефлексии динамично развивающегося мира.

В современной фундаментальной науке, системном исследовании правомочно применять оба эти метода (и множество других по мере необходимости), однако современный метод научного познания не может однозначно ответить – как соотносится то, что мы уже достоверно знаем, с тем, что мы вновь исследуем.

Громоздкие паранаучные эзотерические дисциплины, такие как монадология, типология, парасемантическая магия пытались ответить на этот вопрос, но, как правило, не шли дальше констатации «предустановленной гармонии», т. е. некоторой функциональной связки «субъект-объектных отношений» в некотором более многомерном пространственно-временном континууме. Причём этот зазор во многом и объясняет важность методологического, концептуального, эмансипирующего знания, позволяющего хотя бы вероятно взглянуть сверху на характер нашего «обыденного знания».

Было бы всё достаточно просто, если бы при системном анализе различных объектов, процессов, явлений, проблемных ситуаций сопоставлялись равноценные, равнокачественные факторы и тенденции, лежащие в одной плоскости, т. е. мнения с мнениями, концепции с концепциями, цифровые ряды в соответствующих единицах измерения. Однако, в реальности, это бывает крайне редко, поступающая аналитику информация разнокачественна, разрозненна, фрагментарна, очень часто противоречива. Профессиональное си-

стемное исследование проблем в какой-то степени вынуждено претендовать на роль переводчика, осуществлять попытки сопоставления разноплановых и, казалось бы, принципиально несопоставимых семантических полей (условно *рациональное – иррациональное*), например, «воздействие степени религиозности населения на эффективность народного хозяйства страны». Предлагаемый пример относится к такому методу аналитики, как корреляционный анализ. Для его решения нужно установить степень согласованности между двумя независимыми, самостоятельными процессами.

Процессами с однокачественными и одноуровневыми характеристиками занимаются разделы математики – интегральное и дифференциальное исчисления, а также тригонометрия, если процессы носят циклический характер. Системная аналитика должна заниматься оценкой взаимодействия и прогнозирования развития разнокачественных и многоуровневых, т. е. гиперкомплексных систем – объектов и процессов. Оценка воздействий и взаимодействий производится в *относительных* величинах, т. е. их физическая сущность при делении показателя на своё значение выбранного базового периода просто сокращается, остаётся за скобками (одно слагаемое *полинома* отвечает за тонны хлопка, другое за метры ткани, третье за курс валют и т. д.). Забавный пример: на столе лежат три предмета. Мы знаем, что один из них круглый, второй – деревянный, третий – синий. Вопрос для аналитика – составляют ли они систему, и как

она себя может повести? А ведь в этой шутке есть доля истины.

Сложность современного системного исследования часто обусловлена многими причинами. Среди них отметим недостоверность или полное отсутствие первичных эмпирических данных, закрытие или сознательное искажение информации, а также отсутствие общепризнанных математических, статистических моделей и подходов (часто ещё специально тщательно скрывааемых в «академических» исследованиях), расхождения в сущностных интересах (во взглядах) различных групп исследователей, школ, государственных и частных структур и институтов. Бывают и иные причины, например, доктринального характера, когда исследователю предлагают исследовать миф – насколько *экономика должна быть экономной*.

Для характеристики такого рода сложностей приведём следующий пример.

Ставятся задачи:

1. Определить численность населения Афганистана.
2. Определить подлинную численность населения Москвы при условии, что реальные значения этого показателя официальная статистика может исказить, даже непреднамеренно, из-за несовершенства методик подсчёта. (Эта учебная задача ставилась мною на одном из занятий со слушателями кафедры национальной безопасности РАГС при Президенте РФ по спецкурсу «Методология исследования воз-

возможностей государства по обеспечению национальной безопасности»).

В первом случае, учитывая отсутствие переписей населения в стране за всю её историю, а также значительные потери афганского населения во время советско-афганского конфликта и гражданской войны, ответы аналитиков-экспертов будут различаться по цифрам ориентировочно от 6 до 17 млн человек, т. е. примерно в 3 раза. ЦРУ США даёт заведомо нереалистичную, в частности из-за своей «точности», цифру 31 889,9 тыс. человек (*Российская газета*, 6.07.2007, № 143).

Во втором случае, хотя, казалось бы, имеется вся необходимая информация, и мы живём тут, на месте, цифры также будут существенно различными, оценки экспертов будут иметь расхождения примерно в 2 раза (10–20 млн).

Привлечение всех доступных официальных и неофициальных источников, самых грамотных экспертов позволит лишь косвенно ответить на поставленные вопросы на основе исследований суммы текстов, мнений экспертов, т. е. проведения гносеологического и онтологического анализа проблемы. Очевидно, что реальное решение проблемы лежит в сфере исследования не косвенных данных (факторов), а через прямые инструментальные исследования, что не всегда возможно. Подобные инструментальные методы весьма широко и плодотворно используются в точных науках, например, в физике (от термометров до счётчиков), в демографии, статистике, корпоративном менеджменте.

Поэтому, современная аналитика вынуждена задействовать весьма действенные и хитроумные методы исследования имеющихся массивов информации для выявления в ней прямым и косвенным путями её сущностных характеристик – *трендов, факторов, тенденций, предпочтений, рисков, закономерностей, угроз, связей*, которые крайне необходимы для понимания проблемных ситуаций и практического применения в маркетинге, менеджменте, сфере безопасности. Их успешно применяют исследовательские отделы больших корпораций в своей аналитической деятельности, планировании. На этом поле преимущественно будет работать гносеологический подход.

Когда официальная статистика более или менее достоверна и доступна, тогда целью системного анализа проблемного поля становится выбор соответствующих коррелятов (параметров или критериев) для описания или предсказания ситуации. Великий русский учёный Н.Д. Кондратьев вывел свои знаменитые *длинные циклы* или длинные волны на основе комплексного анализа факторов смены базовых экономических укладов, структурных сдвигов в экономике как отдельного государства, так и мирового распределения труда, динамики цен в мировой торговле основными продуктами. Много интересных подходов к данной проблеме содержат последние работы С.Ю. Глазьева.

Любая партия, корпорация, государство осуществляет разумное планирование от достигнутого, пытаясь путём воз-

действия на поддающиеся разумному контролю и управлению ключевые параметры вызвать во внешней среде необходимые системные изменения [Санто 90].

Например, американские учёные давно рассчитали, какую долю ВВП должны составлять вложения в науку, культуру, образование, сохранение окружающей среды для их эффективного и устойчивого развития. Руководители небольших коммерческих структур давно эмпирически вывели разумное для себя соотношение трудозатрат, оплаты труда, рекламы, организационных затрат и общих оборотов. Это примеры использования системного анализа, экстраполяции, опирающихся на ряды предыдущих показателей (гомогенных рядов).

Однако специалисту-аналитику часто приходится изучать обстановку в условиях недостатка точной информации, в сложных динамических ситуациях, когда анализируемая среда с огромным количеством возникающих в ней противоречий, кризисов, факторов и функций объектов (а их тоже может быть много) быстро меняются. В таких условиях старые подходы и методы часто не работают, аналитик должен не столько опираться на прежнее знание, сколько создавать новое. Инноваторов, т. е. людей, способных генерировать новые идеи, подходы, знания, мало – по приблизительным оценкам психологов всего 5-6 % в общей численности людей. Другие же просто *неспособны* создавать новое.

Вообще, здесь уместно привести одно соображение, по-

могающее увидеть причину различий в подходах различных исследователей к одной и той же проблеме, явлению, факту, процессу. Дело в том, что если говорить непредвзято, то в объективной реальности, то есть в том, что мы называем словами *мир, общественное бытие*, действует колоссальное количество факторов. В силу ряда объективных причин адекватное отражение и оценка реальности крайне затруднена. Поэтому каждому аналитику необходимо понимание, что **мир принципиально не определён. Системы представлений о мире и его модели могут быть самыми различными. Всё зависит от системы отсчёта, доминирующих в сознании общества и человека установок, от личных интеллектуальных, духовных и материальных качеств конкретных людей.** Именно эти внутренние личностные зависимости неявного характера сказываются на структуре менталитета, *мыслетехнологиях*, которыми вооружён конкретный аналитик, и, соответственно, определяют его рассуждения, выводы и решения по той или иной ситуации. С учётом данного обстоятельства становится понятным, почему так «разнокалиберны» подходы, суждения и оценки различных экспертов. Но в этом качественном разнообразии точек зрения, паллиативной картине отражения реальности есть большой плюс.

Проведённый анализ показывает, что созданная в СССР и ныне в России система образования (несмотря на все имеющиеся в ней положительные моменты), имеет существен-

ные недостатки эволюционного характера, одним из которых является отсутствие целенаправленной подготовки аналитиков.

Причиной этого является недооценка аналитического компонента в системах управления социумом. По очень многим аспектам Россия, как государство, занимает позиции пассивного объекта приложения и реализации интересов более активных субъектов мирового процесса (США, Евросоюза, Китая, исламского мира). Это стало возможным вследствие всё возрастающего ухудшения качества аналитической составляющей в процессе управления государством, фактическим **отсутствием отечественной аналитической школы. Особенно опасны эти проявления на стратегических уровнях управления обществом и экономикой.** Можно сделать и более значимый вывод о том, что слабость отечественной аналитики является реальной угрозой национальной безопасности России.

В России вследствие объективных обстоятельств и субъективных условий до сих пор не сформулированы общие подходы к методологии анализа и синтеза социально-экономических и политических идей, реализуемых в основных сферах жизнедеятельности общества. В общественно-политической сфере одновременно существует огромное количество научных, псевдонаучных и иррациональных парадигм, противоречащих друг другу.

Контртеррористическая операция в Чечне, трагедия в

Беслане показали всему миру слабость организационно-управленческой деятельности в силовых структурах России. На фоне доходящего до самопожертвования мужества простых солдат и офицеров каждый здравомыслящий человек мог увидеть беспомощность организаторских способностей власти.

Если честно и откровенно проанализировать события в Беслане, то можно сделать некоторые важные выводы. Располагая достаточным временем для организации контртеррористической операции и, в частности, надёжного блокирования места совершения террористического акта, её руководство не смогло сделать это, и даже по телевизору миллионы людей видели беспорядочно мечущихся солдат, толпы безоружных и плачущих людей перед школой, образующих ещё одну массу потенциальных заложников и в любом случае возможных жертв. Но всё это – лишь следствия. Причины скрыты, и они лежат в слабой управленческой подготовке руководителей разного уровня. Хороший руководитель, как правило, всегда является личностью с высокоразвитым интеллектом и волевыми качествами, способным на самостоятельные управленческие решения, адекватные быстро изменяющейся обстановке. Один из самых важных выводов состоит в том, что необходимо усиливать интеллектуальную составляющую в подготовке руководителей, овладение ими теорией управления, чтобы обеспечить опережающие процессы думания перед беганием. Как часто приходится ви-

деть эту картину – когда все бегают и суетятся, но никто не хочет заранее, заблаговременно просчитать все возможные варианты развития событий и в первую очередь – варианты с неблагоприятным исходом, когда ещё есть время для принятия превентивных мер, для обучения спецподразделений. Ведь события в Беслане не были принципиально новыми: террористические акты, захваты заложников были и ранее. Почему же не были отработаны типовые алгоритмы действий в такого рода ситуации и демонстрировалась на весь мир наша беспомощность?

В западной управленческой практике очень распространено проектирование, когда проектируется будущее в широком смысле – также как проектируются будущие здания, машины, проектируется и социум. В целях эффективного противодействия возникающим в обществе негативным явлениям, в том числе таким, как терроризм, необходимо проектировать систему превентивного противодействия ему. Это возможно при наличии у руководителей органов власти и управления навыков системного мышления и системного видения проблем, алгоритмов поведения в сложных ситуациях. Когда у руководителя модель принятия решений вообще в голове отсутствует, когда вместо чёткости, продуманности одна спонтанность и хаотичность, тогда и получаются такие результаты, как в Беслане. Отсутствие развитого интеллекта и навыков самостоятельного принятия решений компенсируется жизнями людей.

Считаю принципиально важной эту мысль – нужно всемерно усиливать интеллектуальную и аналитическую составляющую в процессах управления и государством и социумом и активно отстаиваю свою позицию в печати, см., например, [Курносов 08Б]. Президент России В.В. Путин, выступая в МИДе на совещании послов (2006), особо подчеркнул: информационно-аналитическая работа по своей оперативности и качеству не должна отставать от требований времени. Важнейшими её аспектами должны являться органичное сочетание классического инструментария добывания и обработки информации, а также квалифицированное применение современных информационных технологий.

Да, наша страна располагает богатейшими природными ресурсами, но если мы по-прежнему будем забывать о том, что в современных условиях *интеллектуальный ресурс* является самым главным, Россия превратится в страну без будущего. Общая ситуация в мире постоянно усложняется. Сокращаются запасы природных ресурсов, увеличивается разрыв в оплате между квалифицированным и неквалифицированным трудом, обостряется борьба за рынки сбыта. Не надо строить иллюзий, что что-то будет по-другому. Жизнь заставляет всех думать и действовать более эффективно. Наступает время интенсивной интеллектуализации всех сфер жизни общества. Но интеллект не может рассматриваться как некая абсолютная ценность. В отрыве от практической деятельности интеллект бесполезен. Однако спо-

способность действовать наиболее целесообразным способом – это не единственный признак наличия интеллекта. Главная его особенность: он опирается на рациональное научное мировоззрение и способен применять мыслетехнологии. Эту научную основу следует закладывать не только в школе или вузе, но даже ранее, возможно, с детского сада.

Каждый имеет право на собственное суждение. Но сила интеллекта – в грамотном суждении, умном оригинальном решении и доведённом до конца правильном действии. Большая часть проблем в условиях становления новой России будет решаться на уровне развития креативных способностей людей производить, накапливать и использовать знания, разрабатывать новые идеи, создавать новые смыслы. Роль аналитической составляющей в обработке информации будет неуклонно возрастать. Стране нужны новые поколения квалифицированных аналитиков. Успешное решение стоящих перед органами государственной власти и управления задач невозможно без адекватного кадрового ресурса. Большой отток сотрудников из системы госуправления в первой половине девяностых болезненно отразился на процессе смены поколений. В эти годы действительно ушли многие сильные профессионалы, считающие, что им не удаётся реализовать свой потенциал на государственной службе. Однако сейчас ситуация начала меняться к лучшему, об этом свидетельствуют, в частности, растущая популярность среди молодёжи, выпускников вузов карьеры по линии госслужбы.

Нельзя забывать, что главные критерии – это качество новых кадров, их готовность к долгосрочной работе на госслужбе, поэтому государственным структурам следует активнее использовать все возможности для привлечения и удержания лучших специалистов.

Работа аналитика по своей сути – это работа со смыслами. Умение получать новое знание – это умение получать новые смыслы и/или умение менять местами смыслы в своём информационном пространстве. Работа по получению *нового* или изменению старого требует интеллектуальных затрат, и, возможно, вещественных затрат информационной системы (субъекта).

Говоря высоким стилем, сегодня умение работать с информацией есть высшее достижение эволюции *Homo sapiens*. Я всё более убеждаюсь в том, что информация – это такое же проявление материи, как энергия и вещество и, в принципе, закон сохранения энергии и вещества должен быть дополнен и звучать как *закон сохранения информации, энергии и вещества*. Тогда работа практического аналитика должна заключаться в извлечении и использовании информации в соответствии с заданными целями, то есть в умении работать со смыслами.

На этом пути много препятствий как интеллектуального, так и психологического плана. Главное в том, что аналитиков нужно отбирать, привлекать и специально обучать. А делать это – некому. Как преодолевать эти препятствия, об этом

чуть ниже, здесь же отметим: важным инструментом может служить *рабочая модель информационной системы*, созданная Ю.Л. Шередеко [Шередеко б/г, 95, 96А, 96Б, 98, 99/05, 10А, 10Б].

На Западе, в первую очередь в США, проблема возвраща-ния молодых аналитиков, в частности, решается следующим образом – там социолог Карл Поппер предложил для школ *Программу проведения дебатов* [Поппер б/г] для развития критического мышления и коммуникативных навыков. По *Правилам Поппера* устраиваются турниры между школами и даже странами (при поддержке, в первую очередь Д. Сороса, чего нельзя не одобрить, как бы плохо я к нему ни относился [Сорос б/г, 96]). В продолжение классической *Курс парла-ментских дебатов* читается в университетах. Уже на школь-ном уровне дебаты реально возвращают очень пытлившую мо-лодёжь, за полгода занятий двоечники становятся стабиль-ными хорошистами. Однако, сами по себе, будучи оторван-ными от общекультурного контекста, аналогичные дебаты в России и СНГ возвращают болтунов-нигилистов, которым безразлично, какую позицию отстаивать. Этот пример ещё раз подтверждает невозможность применения инструментов западной аналитики *в чистом виде*, без адаптации к нашей Традиции.

На Западе процессу *рекуперации*, самовоспроизведения элиты придаётся ключевое значение. Отбор начинается со старшекласников, среди них целенаправленно проводят *се-*

лекцию и прошедших отбор направляют в университеты по различным грантам и программам предоставления стипендий. Как правило, западный университет – это отдельный городок, где студенты постоянно живут вне семьи, в особом микромире. Многим университетам законодательство штата предоставляет привилегии экстерриториальности. Вырванные из контекста своего прежнего окружения, студенты попадают под контроль студенческих корпораций типа «*Череп и кости*», «*Ключ и свиток*», «*Три креста*» и т. д., где производится дальнейший отбор и «юстировка». Эти студенческие корпорации, по своей сути *эзотерические*, сами контролируются другими структурами.

Если молодой человек отвечает всем требованиям, ему делают *предложение, от которого невозможно отказаться* – вступить в элитный клуб, *ложу*. Таким образом, формируется принадлежность к настоящей элите, в своей маске тайной, что обеспечивает карьеру на всю жизнь благодаря мощи данного объединения. Члены этих корпораций маонского толка занимают практически все ключевые посты в США (по некоторым данным их число составляет около 5 млн человек). В отношении президентов США, насколько нам известно, было всего два исключения – Кеннеди и Клинтон. Но даже на нижний этаж элитного сообщества невозможно пробиться *профану*, человеку низшего сословия. В России такой собственной структуры выращивания элиты, включая «социальные лифты», как мы думаем, нет. Первым

ростком в этом плане была, пожалуй, *президентская тысяча* Д.А. Медведева. Следовательно, у нас подобные отборы проводят филиалы соответствующих зарубежных структур в собственных интересах, а не в интересах национально-государственной элиты России. Прошедшие начальную обработку *«неотёсанные камни»* становятся либо профессиональными болтунами, либо агентами влияния, либо просто эмигрируют.

Целесообразно обозначить несколько концептуальных проблем, иллюстрирующих ущербность чужеродной аналитики (её отправных точек, подходов, аксиоматики) при решении наших отечественных проблем. Одной из важнейших является *проблема реформирования государственного сектора, традиционных (архаичных, если смотреть по современным западным экономическим понятиям) предприятий*. Эта проблема постоянно вызывает интеллектуальный спор учёных, политиков, экономистов. Нередки при этом *взаимоисключающие ответы по этому реальному вопросу*. Если отбросить предвыборную политическую демагогию и оговорки, все советы можно свести к следующему (по степени реальной применимости).

1. Сторонники *кризис-менеджмента* утверждают, что директора вовсе не стремятся к большей капитализации своих предприятий, важных объектов (промышленной) инфраструктуры. Поэтому разумный путь выживания производств – это дифференциация, передача государству или му-

ниципалитетам всей «социалки», освобождение от всех прямо не предусмотренных производственным циклом функций. Затем создание на избыточной технологической инфраструктуре высокотехнологичных частных сервисных предприятий, включённых в технологические цепочки Предприятия. Здесь отсутствует понимание наличия и роли так называемого «общественного блага» (экономический термин). Эта проблема *уже решена* в современной экономике.

2. Позиция других экономистов заключается в создании прозрачности и универсальности (общедоступности) существующих «правил игры» в бизнесе, что эволюционно приводит к росту богатства общества, предсказуемости и эффективности бизнес-среды. Такая схема может работать и морально приемлема, однако она недоучитывает неизбежность экспансии мирового капитала, транснациональных компаний (ТНК), обладающих огромными возможностями влияния извне на внутрироссийскую экономическую и иную политику. Наличие существенных «транзакционных издержек» сводит на нет благие пожелания. Эта проблема *уже решена* в современной экономике.

Термины *транзакция* и *транзакция* от одного англ. слова transaction различны. Так, первый имеет смысл завершённой сделки вообще, например, багажная авиатранзакция – это, когда багаж сдают перед вылетом и получают обратно по прилёте, и применяется в политике, экономике и т. д., а второй используют в

банковской сфере (перевод денег со счёта на другой), в ИТ-технологии (транзакция баз данных).

3. С.Ю. Глазьев как теоретик сосредоточивает внимание на применении схем природной ренты, изымаемой бюрократическим государством, что приводит к стагнации, свёртыванию национальных эффективных корпораций, современного анклавного сектора. Реализация этих схем, наряду со схемами раздела продукции или ещё какими-то изощрёнными способами ограбления государств с преобладанием сырьевого сектора в экономике, ведут лишь к существенному ослаблению государства. То, что сотворили с российскими нефтегазовыми ресурсами наши политические деятели типа Г.А. Явлинского, подписав с американцами кабальные соглашения по разделу продукции на Сахалине, согласно которым США будут выкачивать нашу нефть до 2054 года, иначе как прямым предательством национальных интересов и назвать-то нельзя. В прессе стараются не поднимать шум по этому поводу, хотя ситуация вполне сравнима с продажей Россией США в своё время Аляски. Удивительно только, как после всего этого г-н Явлинский ещё претендует на пост Президента России!

Согласно нефтегазовому проекту «Сахалин-2», где англо-голландской компании Royal Dutch Shell принадлежит 55 %, а двум японским, Мицуи и Мицубиси 25 и 20 %, Россия ещё очень долго ничего не будет получать. Соглашение о разделе продукции

составлено высокопрофессиональными западными юристами таким образом, что Россия не будет получать доходы до тех пор, пока рентабельность добычи не выйдет на определённый уровень. В результате хитроумных схем мы сейчас ничего не получаем, хотя нефть уже добывается несколько лет, а если они увеличат свои расходы, то ещё десятилетие наш доход будет нулевым.

4. Финансирование (да ещё через бюрократическое государство) архаичных предприятий без их внутренней реструктуризации приведёт к громадному разбазариванию средств, которые не пойдут на пользу и отстающим – при открытых границах (без протекционизма) они не найдут сбыта на свою продукцию (опять необходимость госзаказа, замкнутый круг). Такое финансирование неприменимо, иначе как в рамках мобилизационной экономики.

5. Многие деятели экономической науки (если только это не сознательная *пятая колонна*) твердят как о панацее для лечения всех наших социально-экономических проблем о прозрачности, западной корпоративной культуре, IPO (Ай-Пи-О), тенденциях глобализации, плохом бизнес-климате (непредсказуемость законодательства, коррупция госаппарата) и т. п. Активными их последователями является молодёжь, обучающаяся в НИУ *Высшая школа экономики*, ориентирующаяся более на запад.

Опять мы приходим к тому, о чём уже упоминалось выше: в России *отсутствует* качественная экономическая и фи-

нансовая аналитика. Если это не высокооплачиваемая профессиональная демагогия, а, например, солидные статьи в «Эксперте», профессиональный аналитик легко опровергнет содержащиеся в них многие ложные послы или заблуждения.

Суть IPO состоит в том, что когда какой-либо частной компании требуется поднабрать денег для расширения своего бизнеса, то у неё есть два выхода: либо взять кредит, либо... и вот здесь тонкий предпринимательский гений прошлых веков придумал неординарный выход – акционировать свою компанию, т. е. передать часть прав на компанию совершенно посторонним людям через предложение купить акции, а ещё лучше облигации, или так называемые привилегированные акции (они не дают голосов в совете акционеров). Таким образом, IPO есть передача акций в открытую продажу на западные рынки. Так сложилось, что к IPO в развитых странах Запада, где этот механизм успешно действует уже достаточно долго, относятся очень и очень хорошо. IPO, если сравнить бизнес с деревом – это распускание цветущего бутона, на запах которого мгновенно сбегаются со всех сторон биржевые спекулянты и не только. Что будет дальше, окупят ли себя акции (поднимутся ли они в цене?) никто не знает. Но запах стоит первые дни... чудесный. Потому что IPO знаменует собой возникновение нового многообещающего бизнеса, в котором активно предлагают поучаствовать своими

денежными жертвами всем желающим. В российских условиях IPO часто не только лишает бизнес коммерческой привлекательности, но и сужает пространство управленческого манёвра, делает его неконкурентоспособным.

Оценка экономической эффективности различных проектов – важнейшая задача *финансовой аналитики*. По данным ЦБ России в 2010 году 250 тыс. компаний, с суммарный оборотом 4,2 трлн руб., не перечислили в бюджет страны ни копейки. Ещё у 123 тыс. коммерческих организаций доля налоговых платежей в обороте составила менее 0,1 %.

Понятно, что в основном это фирмы-однодневки, создаваемые для увода «в тень» прибылей предприятий. Однако у олигархов есть множество и вполне законных способов укрытия своих доходов. Общеизвестно, что даже некоторые законы у нас создаются и принимаются по их заказам. Не платят они и НДС. Практически все наши олигархи «зарабатывают» свои миллиарды на экспорте сырья и других товаров из России. А экспорт этим налогом не облагается. Его им «возмещают». Причём, как ежегодно докладывает депутатам Государственной Думы Председатель Счётной палаты РФ С.В. Степашин, «возмещается» НДС олигархам в размере, в разы превышающем фактически уплаченный ими налог. Понятно, что таким способом высшие госчиновники с помощью *своих* олигархов *доят* госбюджет.

Для того чтобы избавиться от этой средневековой прак-

тики – когда бедные несут непомерное налоговое бремя, а самые богатые не платят практически ничего, недостаточно предлагаемого введения прогрессивной ставки налога на доходы физических лиц (НДФЛ). Надо менять всю нашу «прекрасную» налоговую систему, которую, по словам бывшего директора-распорядителя Международного валютного фонда (МВФ) Мишеля Камdessus, его «специалисты» разработали специально для России. Поэтому, если у нас ещё существует хоть какое-то производство, кроме экспортного, то лишь благодаря мерам по снижению налоговой нагрузки на предприятия. Так, ставка НДС в несколько приёмов была снижена с 28 %, установленных по требованию МВФ, до 18 %, а ставка единого социального налога – с 50 до 26 %. Многие из предусмотренных заокеанскими разработчиками налогов вообще были в разное время отменены. Всё больше критиков появляется и у плоской 13-процентной шкалы НДФЛ, который мы привыкли называть подоходным, она тоже нуждается в корректировке.

Однако «ещё не вечер». Давление МВФ продолжается, и вот вновь вынашиваются планы по увеличению налогового бремени на предприятия, то есть на бедных, которые на них работают. И ничего не делается для повышения налогов на богачей. Государство всё никак не может создать механизмы для эффективного пресечения казнокрадства, осуществляемого путём «возмещения» неуплаченного НДС.

Существует реальное *качественное отличие* Российско-

го общества от Западного, включая роль денег, механизм принятия решений, характеры рынка (спрос-предложение, национальный менталитет, потребление). У нас фактически нет среднего класса, имеющего практические навыки предпринимательства (человек потребляющий, человек экономический), свободно вкладывающих свои небольшие деньги в акционерные компании и умеющих посредством государства контролировать свои миноритарные интересы в корпорациях. А ведь именно тогда любое общество является устойчивым, когда численность класса предпринимателей и высокооплачиваемых специалистов, занятых в бизнес-секторе, составляет примерно 50 %. В сегодняшней России этот показатель – 17 %, в крупных городах – гораздо выше, в Москве, например, около 44 %. Естественно, средний класс и владельцы-руководители малых и средних предприятий – не одно и то же. Все владельцы и менеджеры указанных предприятий относятся к среднему классу, но не все представители среднего класса являются предпринимателями и менеджерами.

Ставка банковского процента у нас в два-три раза выше, чем на Западе (понятно, что это связано с инфляцией), поэтому введение элементов внешнего финансового контроля (корпоративная культура, прозрачность процедур, IPO) поставит наши предприятия в заведомо проигрышные положения по сравнению с западными, что быстро приведёт нашу экономику к полному контролю со стороны Запада. По мое-

му личному мнению, многие из хорошо известных деятелей последнего времени – М.С. Горбачёв, А.Б. Чубайс, Е.Т. Гайдар, А.В. Козырев, М.Е. Швыдкой – на самом деле не могут быть причислены к элите. Настоящая элита – интеллектуальная, на это указывал ещё Аристотель. Государство должно управляться не просто аристократией, но аристократией разума. Выход один: пока не будет устранена от рычагов власти эта так называемая «элита» и не поставлена по жёсткий контроль, она будет продолжать разносить страну на части, что сейчас и делается. Ещё в 1970 году Дж. Акерлоф, будущий Нобелевский лауреат по экономике (2001), выступил со статьёй [Акерлоф 94], где ясно показано, что нужно делать. Проблемы, связанные с неопределённостью качества и неполнотой информации возникают во многих сферах нашей жизни. Ключевое слово в статье – *доверие*. Именно от того, насколько удачно будет общество в восстановлении доверия к системе государственной власти, и будет зависеть конечный исход дела. Со времени осознания этой проблемы человечество выдумало немало способов создавать взаимовыгодные отношения между продавцом и покупателем. Имеется немало положительных примеров из разных стран об оптимальных системах контроля гражданского общества за госструктурами. Но «нет пророка в своём отечестве», это давно известно.

Можно привести такой пример. Наши власти не покупали евро, когда надо было покупать, не покупали дешёвого

золота, а спохватились только в 2008 году, когда начался системный мировой кризис, и покупают сейчас золото по 1000 долларов за унцию и дороже [Стариков 09]. А могли бы покупать по 250. Все заверения чиновников, мол, мы являемся *островом стабильности*, что у страны есть *подушки безопасности* в виде Стабилизационного фонда, и кризис нам не очень страшен, останутся лишь обещаниями. Не хочу даже обсуждать этот идиотизм – дна нет. Голоса разумных людей, конечно, никто не услышал. Среди тех, кто ещё в 2006 году прогнозировал взлёт цен на золото, впрочем, рассчитывая, что нынешние уровни будут достигнуты лишь к 2016 году, был главный аналитик МДМ-банка М.И. Зак.

Открытая система управления, во-первых, противоречит нашей *византийской управленческой традиции* (по принципу *схватки бульдогов под ковром*); во-вторых, общей управленческой культуре. В силу юридической незащищённости личности, труда, капитала, собственности наши капитаны индустрии, как правило, волки-одиночки, харизматичные иррационалисты, чей капитал не столько в финансах и объективном знании управленческих процедур (хотя востребованность знаний о бизнес-администрировании, современном менеджменте растёт), сколько в неформализованном *живом знании*, неформальных связях, знании нестандартных входов и выходов, то есть знаниях скорее иррационального плана, если их рассматривать с точки зрения западной терминологии. Поэтому, они даже при желании не могут

по-другому капитализировать свои управленческие навыки, сделать их прозрачными (общедоступными).

Принято считать, что западные рынки более устойчивы и предсказуемы, и помимо государственного протекционизма, проводимого прямыми и косвенными методами, на них давно, устойчиво и синергетично существует многообразная потребительская культура. Они внутренне открыты, демонополизированы. Но такое положение существует не всегда и не везде. Это, в частности показывают события последнего времени с разрастающимся экономическим кризисом в США и Евросоюзе.

У нас только мощный креатив директора (владельца), подкреплённый волей, может оставить предприятие на плаву, организационно-управленческий капитал стоит недорого. Формальные процедуры вторичны и всегда подчинены стратегическому планированию (в действующем бизнесе). Многоплановые вертикально интегрированные холдинги становятся доминирующей формой организации крупного бизнеса. Естественно, операции внутри них (внутрифирменный учёт, расчёты между филиалами) качественно отличаются от взаимоотношений с внешней средой (с налоговиками, поставщиками, потребителями), приближаясь по своей льготности (эффективности) к деятельности транснациональных корпораций (ТНК).

Западные структуры по ряду очевидных причин уже научились эффективно контролировать подобных многопро-

фильных спрутов, у нас эти подходы – государственного контроля, аудита эффективности, стратегического аудита и т. д. только начинают развиваться при значительной роли в этих процессах Счётной палаты РФ. Так, в книге [Степашин 08] исследуется роль государственного аудита как одного из инструментов государства и общества в решении сложной оптимизационной задачи – обеспечении модернизационного прорыва в российской экономике с использованием всех позитивных эффектов глобализации и при одновременном сохранении национальной идентичности, государственного суверенитета и конкурентоспособности нашей страны. Анализируя изменение подходов к оценке успешности экономического развития различных стран, автор показывает возрастание значения таких «неэкономических» критериев, как субъективная удовлетворённость людей качеством жизни, экологичность технологий, открытость, ответственность и моральность государственного управления. Приводя факты, предвещающие постепенное вхождение глобализирующегося мира в период нестабильности и кризиса, автор показывает: развитый институт государственного аудита может стать для национальных государств своеобразным страховочным механизмом, способным ограничивать опасные колебания социально-экономической системы.

Существующая в России юридическая практика у нас пока скорее авральная – суды и арбитражи по полной программе наказывают попавшегося (или назначенного) провинив-

шегоя, а их всегда хватает, особенно если под контрольные мероприятия попадают банки, таможни, торговые сети, и он вынужден отвечать причём и за всех неназванных. Во избежание подобных провалов, грозящих самому существованию группы фирм, целого крупного бизнеса группа администраторов (исполнительный директорат) часто не посвящает в свои серые управленческие схемы даже акционеров, и, как правило, содержит *специальные аналитические и иные группы сопровождения* бизнеса, как правило, не предусмотренные в аналогичных западных корпорациях с сопоставимыми оборотами. Их клановая структура, нередко опирающаяся на этническую преступность и имеющая интересы, нередко выходящие за пределы чисто бизнеса, также не имеют аналогов в традиционном западном бизнесе. Свои особенности имеет также бизнес дальневосточных «Тигров», Латинской и Центральной Америки, Индии, исламских стран Ближнего Востока, Италии, Швейцарии, – это преимущественно бизнес семейный. И эти бизнесмены обычно идут до конца в отстаивании своих интересов.

Приведённые выше аналитические соображения иллюстрируют полное несоответствие российской бизнес-практики предлагаемым советниками из-за рубежа западным аналитическим инструментам.

Необходимо высказать несколько тезисов по поводу **мифа о глобализации**.

ТНК возникли не сегодня, они имеют большую историю

(Британская империя и Голландская, Ост-Индийские, империя Ротшильда и т. п.). Когда пишут о ТНК, то обычно стыдливо умалчивают, что за ними всегда стоит мощь государства, поскольку они осуществляют межгосударственную деятельность. Здесь очевидно нет ничего позорного и необычного, кроме режима экономических капитуляций, часто практикуемого в России на государственном уровне. Практика всех самостоятельных стран (от Ирана, Венесуэлы до Франции) показывает разумность подобного сотрудничества, с его упорядочиванием, встраиванием в национальные приоритеты развития (не только экономического) на принципах большей справедливости (долей, иных услуг и выплат). Международная практика давно доказала, что, если тактика поддержки ТНК выгодна различным государствам, то они это делают и будут делать в дальнейшем.

Вызывает сомнение другой вопрос: чем «наши» естественные монополии хуже или лучше их ТНК, чем они менее эффективны, и почему их надо разукрупнять в угоду трансатлантическим интересам? Давно надо понять и нашему государственному руководству и простому российскому народу, что сейчас втихую **идёт мировая экономическая война**. Этим мирным путём с помощью той хозяйственной мощи, которой достиг Запад, он покорил абсолютно весь мир. Все хотят в любой точке земного шара иметь либо доллары, либо евро, и на них покупать товары и жить развлекаясь. Однако понятно и то, что Запад идёт по тупиковому пути. Вне

всяческих сомнений, экономический кризис Запад собирается преодолевать с помощью уже не только экономической, а настоящей войны мирового масштаба. Также ясны объекты нападения – Сирия, Иран.

Гораздо разрушительнее другая сторона мифа о глобализации, будто капитализм и мировое разделение труда создаёт оптимальные и эффективные формы конкурентоспособной продуктивности, фильтрующей отжившие и стагнирующие формы. С этим можно согласиться, лишь добавив – исключительно в интересах ТНК и мировой плутократии. На это утверждение и эту проблему можно посмотреть и с другой стороны, под другим углом зрения. Не производство (которое на однотипном современном предприятии может быть столь же эффективно, как и в любой другой сопоставимой точке Земли), а **именно специфика распределения, продаж, сервиса, ухода от всех вообще налогов, использование оффшорных зон и серых схем, нарушения выделенных квот, политико-экономическое лоббирование, товарный и финансовый демпинг, технологическая экспансия и ведение промышленного шпионажа – вот те истинные цели, которые преследуют прокламаторы глобализма.** Пользуясь разностью (несостыковкой) национальных законодательств, промышленных и технологических стандартов, громадной финансовой помощью своих государств и соответствующим административным ресурсом, прикармливая ключевые фигуры политиче-

ской элиты иных государств через разнообразные фонды, они получают в своё распоряжение организационную мощь и ресурсы, позволяющее занять доминирующее, монопольное положение на чужих рынках, при этом зачастую находясь вне чьей-либо юрисдикции вообще, т. е. их преимущество – помимо своих масштабов и финансовой мощи – в заведомо выигрышных условиях по сравнению с любым национальным капиталом. Со вступлением России в ВТО все мы в скором времени станем свидетелями получения Западом колоссальных преимуществ с помощью вышеуказанных механизмов и технологий.

Мне иногда кажется, что никто нас вообще «сознательно» не давит. Просто пользуются нашей «умственной убогостью». Да ещё тем, что читать не любим даже то, что открыто выставлено в Интернете. А вот беда наша в том, что у наших аналитики вследствие забот о хлебе насущном нет времени для того, чтобы поддерживать свою квалификацию и повышать её. Ведь для этого требуется усилия и нужны ресурсы от дома отрывать! Поэтому любым управляющим структурам нужно учитывать жизненные интересы аналитика, в экономике есть для этого термин «информационная рента». Пока аналитик не будет иметь возможность эту ренту получить «в наличке» – до тех пор все разговоры о надлежащей постановке аналитики в нашем государстве или за рубежом в интересах России – это не более чем болтовня. К сожалению.

Сегодня ТНК в Москве платят в бюджет города порядка 6 % налога, получают сверх того льготные кредиты на развитие (например, ИКЕА в своё время получила около \$100 млн от московского правительства), имеют возможность свободно конвертировать любую прибыль, международные гарантии своих капиталовложений и особые отношения на межправительственном двустороннем уровне, включая льготные режимы и отмену НДС. Их деятельность сопровождается поддержкой группы лучших европейских юристов, лоббированием на всех уровнях. Надо ли говорить, что без всего этого никакой национальный бизнес в России (от частной лавочки до государственной монополии и крупнейших частных российских корпораций) не имеет хороших перспектив.

При рассмотрении эзотерических истоков *традиции* необходимо затронуть вопрос о *масонстве*. Ряд конспирологов [Платонов 12], [Бегунов 02] отмечают громадную роль масонства в дореволюционной России, в том числе и, прежде всего, в подготовке и свержении Царской власти, немалой его роли на современном Западе. По телевидению часто проходит какая-то анекдотическая информация о возрождении масонства в Чили (полоумные старики хранят оккультные реликвии), тут же сообщается информация о том, что монархист О.Н. Брумель, брат известного в прошлом спортсмена В.Н. Брумеля, возглавляет какой-то Высший монархический совет и является главой возрождённого масонства в России. Как-то это всё склизко и невразумительно. Знаком-

ство с работой семинаров в одной из сетевых пирамид натолкнуло меня на одну интересную мысль – возрождение исторического масонства привело к прямому восстановлению его подходов в новых формах социального взаимодействия в виде безликих интернациональных наукообразных сетевых пирамид, где коммерция, дистрибуция играют второстепенную роль на фоне модифицированных символов-брендов, и тут же все эти эликсиры и снадобья: *Гербалайф*, «пальмовое масло», *Тянь-ши*, или волшебные гигиенические прокладки, или же псевдоэзотерическое знание *саентологов*.

Главное здесь – создание (самогипнозом, самоподбором) послушной интернациональной паствы, чьи высшие отличительные маркировки («Золотой мастер продаж Востока», «Бриллиантовая карточка мастера продаж») выходит далеко за географические пределы и ментальные характеристики отечественной традиции. Если же ещё и послушать некоторые полумистические цифровые параметры – 21, 33, 666 и т. п., являющиеся вожделенными пределами (барьерами) роста адепта (сколько он своих друзей привлёк/обманул) сходство становится буквально тождеством. В мире постоянно идут поиски новых форм и методов скрытого влияния на людей, создания ситуаций для получения односторонних преимуществ. Эти заняты и религиозные структуры, и адепты многочисленных оккультно-мистических объединений и бизнес.

Действительно, мы в основном изучаем историю по дей-

ствиям, но не бездействию. Так, у аспиранта (научного работника) может возникнуть тенденциозное ощущение, что царская Россия и оттоманская Турция всегда находились в военном противостоянии, что совсем неверно, скорее правильно обратное – несколько общеизвестных войн отнюдь не отменяют столетия сотрудничества, обмена военно-политической информацией стратегического характера на государственном уровне, в том числе и особенно в новейшее время, в период правления Ататюрка и т. д.

В изученный мною эзотерической литературе нет прямого ответа на вопрос, как соотносятся такие важнейшие категории смыслового поля аналитики, как энергия и информация.

В самом грубом смысле – информация реализует себя во времени через энергию (потраченную, запущенную), это классическая триада. Частично этот вопрос рассмотрен в [Шмаков 08], [Ровнер 02]. Структуры, контролирующие массовое сознание, используют многие положения эзотерики для своей практической деятельности.

В самом общем плане (что не отрицает современная наука) мы живём в троичном мире как действительно практической системе, отражающей Нечто. Есть энергия формы (внешней среды – по сути, это предметное поле современной науки), внешних воздействий и обстоятельств. Скорее эта энергия выступает как совокупность интегрированных факторов (привлечённых ресурсов), которые делают одного человека монахом, другого – миллиардером, третьего диктато-

ром, кого-то купцом-лавочником.

Как бы то ни было, приверженцы эзотерики полагают: есть *тонкие энергии*, практические не регистрируемые приборами, но оказывающими реальное воздействие на людей. Я полагаю, что далеко не всегда информация переходит в энергию, но Г.И. Гурджиев, их духовный отец, утверждал Доктрину о 4 ипостасях (комнатах) как основных видах раскрытия потенции человека – лошадь, всадник, повозка, возничий... Это глубокое эзотерическое учение, глубоко освоенное современной управленческой мыслью Запада. Суть его в том, что траекторию мысли можно проконтролировать (придав импульс энергии) и вовсе не всегда это достойное занятие. Из учения Гурджиева явствует, что развитие личности (субъекта) проходит через совокупность ограничений (тоннель), так или иначе связанный с качеством восприятия, рефлексией и изначальной жизненной энергией. Да, высокая жизненная энергия ведёт к получению человеком адекватной информации (и часто они выражаются через Миссию, Судьбу, определяют человека на своём месте). В истории это происходит довольно редко, тут срабатывает фактор времени – Александр II, Наполеон, Гитлер, Бисмарк. Но чаще мы видим примеры руководителей (таких, как известные из советской истории К.У. Черненко и Ю.В. Андропов), уже знающих всю информацию и структуру управления, но не имеющих больше жизненных сил для реализации своих планов. Ещё более распространённой является

практика аутсайдеров типа Салмана Рушди – тот изящно сравил Запад с миром ислама, дабы сделать себе имя и денег заработать [Рушди 12].

У этой триады – *энергия, информации и время* – есть ещё одна скрытая составляющая (которую отрицают атеисты) – карма, которая в самом общем плане выступает как заслонка, регулирующая скорость проходимости энергии через наши мозги и получение значимой для личного развития информации.

Эта проблема, хотя она лишь обозначена и выходит за рамки данной книги, является ключевой для понимания многих тонких вещей в аналитике. И не только в ней.

1.2. Западная аналитическая традиция

Сегодняшние западные плюралистические концепции мира (в основном построенные на идеях постмодернистской культурологии) делают попытку представить все исторические артефакты народов, культур, прошедших эпох, цивилизаций равноценными, равноположенными. Между тем, ещё до I Мировой войны общим местом культурософий было строительство иерархии по принципу: *лучше – хуже, перспективно – на обочине* (о безнадежно отставших, вырождающихся – М. Нордау).

В трудах мыслителей Запада (Ш. Летурно, Э. Рекю, М. Эллиаде, О. Шпенглер, А. Тойнби), и русской школы (П.А. Сорокин, Н.Я. Данилевский), даны убедительные попытки развести понятия культуры и цивилизации, показать разноразличность, разнонаправленность ценностных векторов развития разных цивилизаций, когда развитие Разума (линейный принцип развития новоевропейской и отчасти Русской цивилизации) является не единственно возможной и даже не доминирующей тенденцией мирового развития. Я согласен с Н.Я. Данилевским в том, что фундаментальные цивилизационные элементы не пересекаются, как редька с одного национального поля на другое. Научно-технические достижения передаются достаточно легко, а вот «культ-

турное ядро» (например, Русское Православие) в основном остаётся в национальных границах (если его специально не разрушают) и распространяется лишь при особых условиях [Данилевский 91]. Эти главнейшие научные принципы, социологические наработки историософии и культурологии никто доказательно не опровергает, однако в угоду политкорректности, выгодам текущего момента, другим популистским клише массовой культуры в целях «промывки мозгов» постоянно искажаются, забываются, передёргиваются, подвергаются коррекции.

Весьма перспективным представляется развитие *социальных технологий* с использованием современных подходов к построению основанного на примате науки непротиворечивого и полного способа социального кодирования индивида. Здесь уместно упомянуть о *социокодах* по А. Шияну [Шиян 02]. Это – объективно лучшее, что есть в мире по этому поводу. Ниже будут приведены отдельные положения, характеризующие эти подходы.

Для понимания сути западной аналитической традиции целесообразно выстроить некоторую концептуальную линию с целью выявления приоритетов того, что мы сопоставляем и изучаем – общекультурные традиции, религиозные клише, массовые стереотипы и социальные институты, их обеспечивающие и поддерживающие. В современном атеистическом западном обществе (несмотря на всё его пропагандистско-религиозное прикрытие) их место занимает демократи-

ческий консенсус, позитивистский культ Разума (науки) и процедуры его эффективной реализации. Западные учёные исследуют *объективные* факторы, связанные с *прогнозом* и *верификацией* полученных результатов. Ответ на вопрос: «А можно ли при помощи результатов исследования изменить Реальность, прогнуть её в выгодную для себя сторону?» как раз всё ставит на свои места. Прагматизм очевиден и убедителен.

К числу наиболее существенных моментов, определяющих саму суть и силу западной аналитической традиции, является наличие смыслового системного ядра, создание разветвлённой аналитической инфраструктуры сбора и обработки информации на базе современных информационных технологий (ИТ), наличие признанных авторитетов, имеющих свои школы и приоритетов рационализма и индивидуализма как важнейшей духовной ценности Западного мира.

Западная аналитическая традиция сохраняется, прежде всего, благодаря принципам поддержания её сущностных элементов, сохраняющих основные методы, приёмы, способы, подходы работы со Знанием в целом как культурно-историческим феноменом. Например, Внутренняя партия в чёрных утопиях [Оруэлл 09], принципы функционирования данного общества, управления государством и т. п., включая рационализированную систему ценностей, геополитические, церковные и все иные прочие доктрины, сумма идеологий

и технологий их осуществления. От ранее существовавших цивилизаций – Египта, Греции, Европы, Евразии – всегда оставалось некое культурное ядро, которое постепенно передавалось другим народам. Интересная книга [Ван Рейзема 08] посвящена теоретическим вопросам социальной прогностики, экологическим, социальным, духовным последствиям для нашей цивилизации инновационного, массово-информационного ускорения, вызванного современным развитием.

Автор далёк от мысли представить аналитиков в качестве некоего «ордена меченосцев», некоей «интеллектуальной школы каратэ», которая существует только до тех пор, пока жив *мастер* – учитель и координатор наивысшего уровня. Однако совсем отрицать роль лидера, создателя и носителя традиций тоже нельзя. В науке это также имеет место, например, школа теоретической физики Ландау, которая распалась после его смерти.

В западной аналитической традиции всегда присутствовала эзотерика или некоторое смысловое сакральное ядро. Эзотерическая часть весьма трудно поддаётся вербальному анализу, но, тем не менее, реально существует [Курносков 97Б, В]. Этот культурно-исторический феномен был распространён на всём протяжении человеческой истории в любой культуре – будь то русское православие, исламские и суфийские ордена, тайны Израиля (все его Пророки, мистики, архивы). Концептуальное отличие европейской аналитической

традиции от всех других состоит в том, что она, в основном, строилась на рационализме, легко считываемом в древнегреческой культуре, римском государственном строительстве (римское право), западноевропейских университетах и Реформации, поступательном развитии европейской цивилизации на протяжении последних 450 лет. Она достаточно открыта, рациональна, антропоцентрична, ориентируется на единичного человека, его права, интересы, ценности. Арийско-языческие культы, известные нам, также достаточно открыты, рационалистичны, предсказуемы и нам понятны.

Говоря о средневековой аналитике, в первую очередь необходимо упомянуть астрологию и алхимию. Весьма интересна эзотерика средневековых орденов, системные элементы и *знаки-символы для посвящённых* в декоре готических соборов, системные элементы в символике европейских эзотерических структур и эзотерической геральдике. Но главным в контексте нашей темы является **изобретение прообраза современной финансовой системы тамплиерами: они ввели долговые расписки, своеобразные векселя, систему «денежных переводов», кредитования и т. д.** Интересны также «аналитика» инквизиторов на процессах ведьм, теологическая софистика средневековых европейских университетов и т. д.

На рубеже XIX–XX вв. в ряде ведущих европейских стран: Германии, Франции, Великобритании, России была создана «толща» национальной культуры, позволявшая экс-

траполировать аналитику как вполне самостоятельную сферу прикладного инструментального *знания* в востребованную научную дисциплину. Хотя по формальным признакам этого не произошло, тем не менее, важнейшие составные части аналитики уже появлялись. Фрагменты этого *знания* в виде концептуализации идей, планирования, в том числе стратегического, прогностики, дезинформации, использовались целенаправленно и раньше, например, банкирской конторой Ротшильдов в битве при Ватерлоо (1815), германским Генеральным штабом (1866–1871) при Бисмарке, однако здесь можно говорить о качественном отличии – публичной аналитике, общедоступной, самоорганизующей социальную ткань национального государства. Впервые, пожалуй, государственная потребность в аналитике (как национальный проект, императив) возникла для упорядочения, рационализации, планирования организации общественной жизни, прежде всего, в целях вооружений и совершенствования военной государственной службы, но далее и шире – как меры предотвращения социальных беспорядков (сохранения классового мира). Усиление науки, появление учёных как социальной группы во Франции в период последних Людовиков и Бонапарта было вызвано потребностями укрепления централизованного государства, армии. Мобилизационные усилия всех вовлечённых в I Мировую войну (1914–1918) государств показали возможность и неизбежность подобной мобилизации, включающую и интеллектуальные уси-

лия. Россия явила множество примеров ассиметричного ответа, хорошей координации госаппарата, военных мощностей (усилий) и земств (элементов мобилизационного самоуправления). Германия (в меньшей степени Австро-Венгрия [Исламов 02]), создала эффективную военную экономику, основанную на централизованном распределении заказов, сырья, рабочей силы, мобилизации продовольствия, транспорта и всех иных ключевых ресурсов, принципиально (кроме идеологии национал-социализма и рабского труда) не изменившихся и во время II Мировой войны при Гитлере. Мобилизационные усилия Великобритании и в особенности Франции были гораздо более скромными, они почти полностью исчерпывались новыми информационными отделами спецслужб (использование пропаганды и контрпропаганды), техническими новшествами (качественное развитие техники). По-видимому, до начала 30-х годов XX в. эти новые веяния лишь косвенно затронули США, что сказалось в *Новом Курсе* Рузвельта, в том числе в создании ФБР, и частично описано в концептуальной работе Г. Форда «Моя жизнь, мои достижения» [Форд 04].

При всей очевидности роста управляемости социально-экономической жизни, особенно её мобилизационной и внутривластной составляющих, на рубеже веков, вовсе не очевидна их концептуальная составляющая, в том числе влияние выдающихся умов, «мозговых трестов», неявна востребованность качественно новой всеобъемлющей **систем-**

ной аналитики. Расщепление сложнейших реальных цивилизационных процессов на лабораторные социологические дефиниции неизбежно сталкивается со схематизмом и субъективизмом, которые не предотвращаются ни системным, ни иным методом моделирования, направленным на устранение прогнозируемых ошибок анализа [Ван Рейзема 08].

В числе работающих методологических приемов, применяемых в западной аналитической традиции, следует отметить принцип *семеричности*. В статье «Магическая семёрка плюс-минус два: о некоторых ограничениях нашей способности обрабатывать информацию» психолог Джордж Миллер задаётся вопросом о том, почему нам так нравится группировать вещи по семь: семь чудес света, семь смертных грехов, семь дней недели [Миллер 56]. По мнению автора, в этом отражается структура нашего познания: семь – то количество «порций» информации, которое человек безтруда удерживает в краткосрочной, «оперативной» памяти.

В царской России 1914–1916 годов, по сравнению с другими государствами, был самый крупный государственный сектор, включавший большую часть железнодорожного транспорта, военную промышленность и многое другое. Идея государственного регулирования (пусть косвенного) в виде национального госкапитализма носилась в воздухе, её приверженцами и носителями были многие промышленники, технические специалисты, вовсе не только большевики.

Наверное, это и была смутно осознаваемая идея государственного социализма, позднее практически развитая в Госплане, ГОЭЛРО, первых пятилетках. Н.А. Кондратьев и его коллеги по Госплану дали первые адекватные математические модели сбалансированного сосуществования госсектора и мелкотоварного производства в рамках НЭПа (1921–1928). Но потом по экономической науке так «шарахнули», что не осталось ничего, кроме марксизма. Конечно, здесь всё не так просто, это отдельная тема для анализа. Главное состоит в том, что **у нас пресекли все источники развития**. До 1917 года российская наука занимала достойное место. Представители интеллектуальной элиты России учились за границей, знали по 5-7 языков, были в курсе основных достижений по своему предмету. Можно для примера привести книги Этьена Кондильяка: как только они появлялись во Франции, следом издавались в России.

Кондильяк (Condillac), Этьен Бонно де (1715–1780), французский философ, католический священник, основоположник *сенсуализма* и один из основоположников *ассоциативной психологии*. Член Французской академии (1768). Основные работы: «Опыт о происхождении человеческих знаний» (1746), «Трактат о системах, в которых вскрываются их недостатки и достоинства» (1749), «Трактат об ощущениях» (1754), «Логика» (написана для средних школ по просьбе польского правительства, 1780), «Язык исчислений» (1798) и др. Отвергая картезианскую

теорию врождённых идей, стремился объяснить все психические процессы (воспоминания, мышление, волю) преобразованиями чувственных ощущений (sensations), считая их единственным источником познания. По его мнению, изначально каждый человек – некая «статуя», постепенно оживающая под воздействием эволюционирующих ощущений. Существование первичных качеств материального мира как некой определённой посылки философ исключал из своей системы миропонимания; по его мнению, телесная и духовная субстанции могут сосуществовать, но обе принципиально непознаваемы. Разделяя сенсуализм Локка, Кондильяк тем не менее отрицал роль рефлексии в качестве специфического источника знаний людей. Его творчество оказало существенное воздействие на французский материализм XVIII столетия. Логика мыслителя, трактуемая им как общая грамматика всех знаков и включавшая также и математику, была весьма распространена в интеллектуальной традиции Западной Европы рубежа XVIII–XIX веков.

В разработках и практической деятельности русских учёных этой поры было много новых концептуальных подходов, это было не повторение морально устаревших идей, выработанных до 1914 года, а выдвигались вполне **новые креативные идеи**, во многом опережавшие и превосходившие тогдашние мировые научные идеи управления социумом. Причём, в отличие от концептуально важных, но практически не

применимых теоретических построений Ф.М. Достоевского, Д.И. Менделеева, В.А. Обручева, они имели технико-экономическое обоснование, что давало в руки тогдашнего политического руководства реальный инструмент органического роста народного благосостояния. К слову сказать, позже, до самого конца советской власти, все другие попытки подобного рода, хотя и не столь глобальные, но носящие концептуальный характер (локальные, ограниченные экспериментом) оказались недовостребованными и провалились при идеологической доминанте коммунизма (Г.М. Маленков, Н.С. Хрущёв, А.Н. Косыгин, Н.И. Рыжков, школа А.Г. Аганбегяна). Наверное, при всём этом нельзя отрицать, что национальные потребности реструктуризации в период 1914–1929 годов породили блестящую плеяду высших управленцев, администраторов-практиков, учёных, аналитиков, научные школы мирового уровня (Н.И. Вавилов, Н.Н. Крестинский, А.В. Чапанов), увы, непревзойдённые до сих пор.

По окончании I Мировой войны страны Антанты получили многомиллиардные контрибуции, сохранили колонии, им не было большого смысла что-то коренным образом менять в своём политико-управленческом бытии. По-настоящему пришлось «напрягаться» только России и Германии, поэтому именно они в последующие годы оказались способными сделать индустриально-технологический рывок. После поражения своей страны в 1918 году один известный немецкий профессор практически в одиночку составил убедитель-

ный план технического переоснащения Германии (сопоставимый с разработками нашего Госплана СССР), были и другие высококлассные специалисты-экономисты Веймарской Республики, они в целом удачно начертали планы преобразований, которые потом во многом осуществил Гитлер. После военного поражения в 1945 году Германия развивалась по стратегическим разработкам Людвиг Эрхарда. В его книге [Эрхард 93] вопрос стоит о благосостоянии для всех, о социализации прогресса и прибыли, **фактически он является отцом социальной рыночной экономики**. Любопытно в этом отношении сравнить Германию и СССР. Когда говорят о «германском чуде», обычно вспоминают великого экономиста Эрхарда, но забывают, что главную роль в восстановлении ФРГ сыграл великий германский политик Конрад Аденауэр. Его заслугой является то, что он не позволил разогнать генералов немецкой промышленности. Судили лишь политических и уголовных преступников, но не специалистов. Германский крупный бизнес, монополии не пострадали даже в результате Нюрнбергского процесса, специалисты работали.

Несмотря на два крупнейших общегосударственных поражения (1918, 1945) в Германии оставалась профессиональная национальная элита, сохранявшая аналитическую традицию эффективного госуправления, невзирая на любые трансформации. Её никто тотально не истреблял (как это произошло в нашей стране), она могла функционировать да-

же часто вопреки тоталитарной идеологии. Это касается деятельности Генерального штаба, касты высших управленцев, директората крупнейших промышленных монополий, академической профессуры университетов, выдающихся инженеров, изобретателей, в том числе этнических немцев, живших за пределами рейха (США, Швейцария, Швеция, Восточная Европа). Что касается русской эмиграции *первой волны*, она также сохраняла и приумножала культурную традицию – свою, Серебряного века, однако никакого реального воздействия на СССР она не оказала.

В Германии оставались также общественные институты и соответствующая инфраструктура социального взаимодействия, а не только элита. Именно через эти институты и происходила социализация аналитического продукта.

В СССР, к сожалению, такие структуры были настолько **узко направленными**, что это исключало действительно междисциплинарный системный анализ проблем. С распадом великой державы в 1991 году стало ещё хуже: даже такие «эрзац-институты» были деструктурированы в России за 5-7 лет, а в ряде стран СНГ, например, в Украине, ещё быстрее – всего за год.

Германская аналитика всегда была стратегична, нацелена на ключевые внешние звенья, а не только на планомерный подъём всей социальной ткани общества, как это делалось в США и декларировалось в СССР. Общеввропейский Синдикат угля-стали-электроэнергии – вот та заветная ключевая

цель, которую немцы дважды пытались осуществить, и лишь теперь, в XXI веке, им это вполне удалось сделать. Экономическая доминанта в Европе означает политическую интеграцию на германских условиях и во имя их национально-политических интересов. На воплощение этих планов всегда была заострена их аналитика. Кризис в Греции, Испании, Португалии – во многом рукотворный результат такой политики.

Наиболее яркими представителями немецкой аналитической школы, которая проявила себя, прежде всего, в военной сфере, являются Герхард Шарнхорст, Август Гнейзенау, Альфред Шлиффен, Х. Мольтке Старший, К. Клаузевиц. Подходы, близкие к системному анализу, практиковались спецслужбами кайзеровского генштаба под руководством полковника Николаи, а позже в «Отделе армий востока» Гелена в вермахте. Есть смысл напомнить также об отце германской геополитики Карле Хаусхофере и его «Журнале геополитики» (основан в 1924 году), первом периодическим издании, учреждённом представителями данной отрасли знания специально для развития и пропаганды геополитических идей [Хаусхофер б/г]. Вполне естественно, что вокруг этого журнала сформировалась группа видных теоретиков, это К. Хаусхофер, Э. Обет, О. Маулль, Э. Банзе, В. Зиверт, К. Росс, И. Кюн, Р. Хенниг и К. Вовинкель. Идеи А. Хаусхофера и ряда его единомышленников отражены в их статье (1928), предваряющей сборник «Основы построения геополитики» (*Bausteine der Geopolitik*). Суть их в следую-

щем: «геополитика является учением о связи политических событий с земными пространствами»; она является **«оружием для политического действия и путеводителем в политической жизни»**. Благодаря этому геополитика «становится *нормативной* наукой, способной направлять практическую политику». Вокруг «Журнала геополитики» сплачивались его сторонники, чтобы при помощи статей, сообщений, критики описывать происходящие в мире политические события. В 1924 году также было создано «Геополитическое общество», во главе которого встал Адольф Грабовски. Был принят устав Общества, который определил его цели и задачи, а также организационную структуру и процедурные вопросы. Таким образом, ещё в период Веймарской республики в Германии был создан своеобразный аналитический центр, преимущественно занимавшийся вопросами геополитики.

Г. Шарнгорст (Scharnhorst) – прусский военный деятель, генерал (1807), начальник Берлинского военного училища. Во время войны с Францией в 1806 был начальником штаба главнокомандующего герцога Брауншвейгского, участвовал в сражениях. С 1807 начальник Генштаба и председатель комиссии по реорганизации армии. С 1808 возглавлял вновь созданное Военное министерство. Вместе с А. Гнейзенау и К. Клаузевицем значительно улучшил организацию армии и подготовку офицеров, осуществил прогрессивные изменения в тактике, сокращение срока службы (в результа-

те был создан обученный резерв) и подготовил введение всеобщей воинской повинности в 1814 году. Был сторонником войны против Франции и по требованию французского правительства в 1811 году уволен в отставку. Во время Освободительной войны 1813 года был начальником штаба Силезской армии генерала Г. Блюхера.

Август Гнейзенау (Gneisenau), прусский генерал-фельдмаршал (1825). После разгрома Пруссии Наполеоном он вместе с Г. Шарнхорстом работал над реорганизацией прусской армии. В 1813 генерал-квартирмейстер, а затем начальник штаба Силезской армии. С 1817 член прусского Государственного совета, с 1830 главнокомандующий прусской армией.

Альфред Шлиффен (Schlieffen) германский военный деятель, генерал-фельдмаршал (1911). Один из идеологов германского милитаризма. Автор германского плана войны (1905). Свои взгляды на способы ведения войны и боя изложил в уставах, наставлениях и др. официальных документах германской армии, а также в ряде военно-теоретических и исторических работ [Шлиффен 11, 38]. Будучи последователем К. Клаузевица и Х. Мольтке Старшего, Шлиффен отстаивал идею быстротечной войны, окружения армий противника путём стратегического охвата и разгрома его в большом генеральном сражении. Шлиффен преувеличивал роль полководцев в войне, отрицал возможность фронтального прорыва. Поражение Германии в I Мировой войне вскрыло

несостоятельность идей Шлиффена, однако его взгляды оказали большое влияние на формирование германской военной мысли в межвоенный период (1918–1939) и ныне имеют сторонников в ФРГ.

Несколько отдельно стоит сказать о системе *Аненербе* (Ahnenerbe), *Наследие Предков*, охватывающей до 50 Институтов Третьего Рейха [Васильченко 05], [Гросс 06], [Катер 97]. Финансовые затраты на их создание, как отмечают многие специалисты, были сопоставимы с затратами на создание атомной бомбы в Штатах. Вопрос о степени «научности» Аненербе достаточно спорный. С одной стороны, можно констатировать, что это была целая система научных трестов, в целом отвечавшая требованиям времени (целям обеспечения управляемости социума в многомерном контексте) и формам организации научного исследования – они были междисциплинарными, прикладными, включали полевые исследования и т. п. Именно это обстоятельство, выражающееся в организационной силе этой структуры, вызывает восхищение простаков. Тайная организация *Аненербе* благодаря воле Гитлера и невиданным стараниям Гиммлера стала научно-исследовательской структурой в рамках СС. Эта организация занималась поиском следов древних цивилизаций и их знаний, которые верхушка Третьего рейха хотела использовать против всего человечества. Приоритетными задачами для *Аненербе* считались управление сознанием людей с помощью магических манипуляций и разработка но-

вых технологий для генетического создания «сверхчеловека». Второе Управление Аненербе, занимавшееся проблемами магии Востока и Запада, изучало осуществимость предвидения и возможного изменения будущего, а также уничтожения и воскрешения недочеловека колдовскими методами, зомбирования и оборотничества.

Справедливости ради скажем, что *параллельно* в то же самое время в СССР создавались структуры для занятий похожими вещами. Так, в 1934–1946 годах А.Н. Леонтьев (будущий академик-психолог, а тогда ещё не известный никому энтузиаст) осуществлял эксперименты, притом успешные, по *каждому зрению*. Результаты этих экспериментов опубликованы в сборнике его трудов только в наше время (1988).

В 1919 году П.П. Лазарев создал в Москве институт биологической физики, где вели работы по ионной теории возбуждения, кинетике реакций, идущих под действием света, исследовали спектры поглощения и флуоресценции биологических объектов, а также процессы первичного действия на организм различных факторов внешней среды. Позже такие институты были созданы и в других странах. В 20-е годы. Н.К. Кольцов сформулировал концепцию о молекулярной структуре гена и матричном механизме передачи наследственной информации. С 1920 по 1940 год вышел ряд книг, оказавших глубокое влияние на последующее развитие биологии в СССР: «Биосфера» В.И. Вернадского (1926), «Теоретическая биология»

Э.С. Бауэра (1935), «Физико-химические основы биологии» Д.Л. Рубинштейна (1932), «Организация клетки» Н.К. Кольцова (1936), «Реакция живого вещества на внешние воздействия» Д.Н. Насонова и В.Я. Александрова (1940).

Моё экспертное мнение об *Ананербе* сложилось во время длительной служебной командировки в Берлин на основе бесед с различными отечественными и немецкими учёными и специалистами. В целом, если судить объективно, исходя из имеющейся информации, то научные результаты *Аненербе* незначительны. Это была очень своеобразная форма саботажа интеллектуалов, пытавшихся использовать возможности Третьего рейха в личных целях. Долгое время *Аненербе* не входил в структуру СС и существовала, главным образом, на пожертвования. Но Гиммлер очень хотел иметь собственную академию наук, поэтому уделял этому институту большое внимание. Состоявшие в нём учёные либо продолжали научные исследования, либо разрабатывали завиральные идеи рейхсфюрера о... *полой Земле* (!). Постепенно возникла мощная бюрократическая структура, где нашлось место и археологам, и геофизикам, и фольклористам, ну и, естественно, аферистам от науки.

Аненербе дублировал научные структуры Розенберга, конкурировал с грабящими европейские музеи зондеркомандами Геринга, открывал школы, подобно Министерству просвещения, и занимался

выведением новых сельскохозяйственных культур и пород животных. Кроме того, он обслуживал и СС – придумывал новую религию и ритуалы, гербы, атрибутику и т. д. Сейчас от всего этого сохранились только новогодние глиняные светильники с прорезями в стенках и свечкой внутри.

Короче говоря, *Аненербе* занимался тем же, что и все прочие научные организации Германии. В первую очередь боролся за собственное существование: добывал госфинансирование, уничтожал конкурентов, подгрёбал под себя научные ценности. И очень быстро превратился в неповоротливую многоступенчатую структуру, все звенья которой были озабочены только одним – доказать военную ценность своих исследований, чтобы их не закрыли, а персонал не отправили на Восточный фронт. Вот и придумывали историки, филологи, растениеводы и специалисты отдела по изучению средневековой латыни оборонный смысл своим изысканиям.

Одним из важнейших направлений в деятельности *Аненербе* было исследование «*мирового льда*». Гиммлер считал эти исследования важнейшими и проповедовал, мол, *интуитивная доктрина* (!) «*мирового вечного льда*» утверждает, что никакого вакуума в космосе нет, а всё пространство заполнено водородом и кристаллами льда; звёзд на небе всего несколько, а мы видим лишь во множестве куски льда, освещённые немногочисленными солнцами, так что вся астрономия – еврейский обман, и его требуется

разоблачить.

Масса мифов ходит об экспедиции СС в Тибет в поисках Шамбалы. Возглавлял её Эрнст Шефер, талантливый учёный, ранее дважды побывавший в Тибете в составе американских экспедиций. Именно он открыл, что легендарный «бамбуковый медведь», он же «медведь Давида», к настоящим медведям отношения не имеет, это крупный барсук. С тех пор это животное называют *большой пандой*. В СС Эрнст вступил еще в студенчестве, а после удачных экспедиций Гиммлер присвоил ему сразу звание унтерштурмфюрера (лейтенанта). Шефер рассчитывал, что протекция рейхсфюрера поможет ему в организации экспедиций, но у СС элементарно не было на это денег. Учёный сам нашёл богатых спонсоров для экспедиции на период 1938–1939 годов и категорически отказался осуществлять её как мероприятие *Аненербе*. Единственную уступку сделал, согласившись на официальное название «Экспедиция СС под руководством Шеффера». Стоит ли говорить, что настоящий учёный и не думал искать никакую Шамбалу, а занимался лингвистическими исследованиями и изучением природной среды. Вера Гиммлера в чудеса открывала дорогу в *Аненербе* разным шарлатанам. Некий полковник люфтваффе Шрёдер-Штранц предложил ему своё чудо-оружие – «радиоактивный аппарат», способный не только истреблять врагов, но и находить нефть под землёй. И, естественно, получил не только «добро», но и

целый исследовательский отдел. Шизофреническая мысль самого Гитлера, что в германских недрах просто обязано быть золото, побудила верного Гимmlера создать целый эсэсовский батальон лозоходцев, а в *Аненербе* вплотную занялись рудознанием и... алхимией (!). Некоторые эсэсовские «старатели» так всю войну и провели в поисках разного рода легендарных кладов и сокровищ, разумеется, тщетно.

Наибольших результатов достиг *Аненербе* в археологических раскопках. Не только на территории Германии, но и на оккупированных землях эсэсовские историки искали свидетельства превосходства и первородства арийской расы. Они смело выдвигали теории первичности всего германского. Конечной целью исследований было доказательство, что все древние цивилизации, включая египетскую и древнеримскую, возникли из немецкой. И что вообще вся Земля раньше принадлежала германцам. В существующих сегодня мифах об *Аненербе* отправной точкой служит так называемое *Памятное издание* (1939). Это фолиант в тысячу страниц, изданный небольшим тиражом с рекламной целью. Его подносили потенциальным спонсорам, а потому содержание его имело мало общего с действительным положением дел. Тут расписывалась работа несуществующих отделов и рассказы о несостоявшихся экспедициях в Южную Америку и Персию. Огромное место занимали описания работ по ландшафтной символике, исследованиям рун и древней письменности,

родовых эмблем и геральдики. Всё это создавало ощущение погружения в тайные мистические глубины. Оказывается, в условиях хронического безденежья исследования по проекту *Аненербе* умудрялись проводить в Англии, Швеции, Италии, Норвегии, Голландии, Бельгии, Греции и Малой Азии. На цветную карту мира были нанесены 122 точки на территории Америки и Азии, где якобы побывали ээсовские исследователи. И этот блеф до сих пор туманит мозги нынешним журналистам и кинематографистам. Многие люди искреннее увлекаются таинственным, не зная оборотной стороны медали. Справедливости ради скажем, что и в других странах шарлатанов от науки всегда хватало. Чем «научнее» были деятельность советского академика Т.Д. Лысенко, почти вся наша гуманитарная наука-пропаганда до конца 80-х годов и официальный запрет Президиума АН СССР подвергать сомнению теорию относительности А. Эйнштейна?

Впрочем, среди учёных и лжеучёных *Аненербе* нашёлся и настоящий людоед доктор Рашер, проводивший в Дахау изуверские опыты над людьми. По иронии судьбы он закончил свои дни заключённым в этом же Дахау. Так же и проект *Аненербе*, порождённое гитлеровским режимом, умер вместе с ним. Осталась поучительная история, её сильная сторона в организации процесса, слабая – целеполагание. Лидеры фашистского движения в Германии были мистиками и метафизиками, а аналитика строится преимущественно на логических

построениях, разработанных в рамках диалектического метода познания мира. Я написал про *Аненербе* лишь для того, чтобы показать пример организационных усилий руководителей государства по достижению поставленных целей. В современной аналитике тоже следует учитывать эту организационную сторону, которая играет существенную роль. Приведенный пример показывает: что при определенных условиях можно консолидировать большие интеллектуальные силы на решении каких-либо целей и задач, актуальных для общества и государства, но при этом по сути абсурдных. Естественно, эти задачи из-за своей мистической основы всегда нереальны.

Если попытаться абстрагироваться от интеллектуальных спекуляций на эту тему, политической идеологии и обвинительных ярлыков, и выйти на более высокий уровень обобщения, то можно сказать, что в 30–40-х годах прошлого века в США, Германии, СССР, Великобритании, несмотря на их специфику, были развернуты полномасштабные научно-аналитические структуры, обеспечивавшие сопровождение государственной политики и экономики, военного дела.

Интересно проследить динамику становления аналитики как научной школы на **примере США**. Первый мощный блок идей, вошедших в мировую аналитику, появился еще в XIX веке и был связан с геополитикой. Американская геополитическая школа сформировалась под влиянием разработок военно-морского историка адмирала Альфреда Мэхена

(конец XIX – начало XX вв.). В работах «Влияние морской силы на историю (1660–1783)» и «Заинтересованность Америки в морской силе» Мэхен выдвинул концепцию «морской силы» как фактора, обеспечивающего безусловное геополитическое превосходство. Именно обеспеченность страны морскими базами и торговым флотом, а также мощь военного флота делают её великой державой, решающей судьбы мира, а морская цивилизация обеспечивает более благоприятные условия для развития. Видя в истории противостояние морских и сухопутных держав, Мэхен предложил использование в качестве глобальной геополитической стратегии *принципа Анаконды* – удушения противника путем морской блокады его стратегических объектов.

После I Мировой войны западная аналитика развивалась, прежде всего, в русле новых геополитических представлений. Дальнейшее развитие было связано с именем английского учёного Х. Маккиндера (конец XIX – середина XX вв.), его иногда называют *отцом-основателем геополитики*, хотя сам он этого понятия не употреблял. В период 1903–1908 он возглавлял престижное учебное заведение – Лондонскую школу экономики и политической науки, является автором многих терминов понятийного аппарата геополитики. Идеи Маккиндера сначала воспринимались как некие абстрактные схемы, не имеющие, на первый взгляд, практического значения. Однако с течением времени они легли в основу многих геополитических теорий и аналити-

ческих школ.

История американской армии это отдельная тема, здесь же обратим внимание на ряд моментов. В XVIII в. привлечение сотен французских офицеров помогло реформировать американскую армию.

История США и их армии покоится на мифах с самого начала возникновения этого государства и его Вооружённых Сил. Независимым государством США стали не 4 июля 1776 года, а 10 лет спустя. В 1776 году начался мятеж, а затем партизанская война части североамериканских колоний против британских властей. А избранный непонятно кем президентом США бывший полковник британской армии Джордж Вашингтон скитался по сельской местности, скрываясь от крупных частей британских войск. В конце концов, британские войска победили бы разрозненные шайки мятежных колонистов, но в 1783 году войну с Англией начала Франция. Французский флот доставил в Северную Америку значительные силы французской армии. Действиями французской армии и флота английские войска в Северной Америке были разгромлены и капитулировали. И только тогда на политической карте мира появились США, отблагодарив своих французских друзей весьма своеобразно: в 1803 году, воспользовавшись занятостью Франции войнами в Европе, американцы отобрали у неё Луизиану – последнюю французскую колонию в Северной Америке. На территории этой

бывшей французской колонии было создано несколько североамериканских штатов. Но когда американцы захотели проделать аналогичный фокус с Англией – отобрать у неё Канаду, также воспользовавшись её занятостью войной с Францией, то эта война для американцев чуть было не закончилась потерей недавно полученной независимости. В 1814 году английская армия сожгла американскую столицу вместе с Белым Домом. И после этого в течение 84 лет американцы не рисковали сталкиваться с армиями европейских государств, отводя душу на индейцах и мексиканцах, да ещё истребив друг друга числом 1 млн человек во время Гражданской войны (1861–1865). Эта война оказалась столь кровавой (население США в то время составляло около 30 млн человек), потому что генералы и офицеры северян и южан имели очень смутные представления не только об оперативном искусстве, но и об элементарных основах тактики. А дисциплина в обеих армиях была, пожалуй, ниже, чем у действовавшей в России в годы гражданской войны армии Махно.

Накануне II Мировой войны США были слабы в военном и разведывательно-информационном плане, они были вторичны, фактически копировали европейские методы и приёмы организации, да и в целом были весьма провинциальны. Кризисы в периоды 1929–1933 и 1934–1937 гг. потрясли американское здание до основания, вполне оправиться от них они смогли только в ходе глобальной войны. Но сам ход событий и географическая удалённость от основ-

ных театров военных действий сделали США лидером Западного Мира и, наряду с СССР, лидером антигитлеровской коалиции. Новые задачи в Европе и Тихом океане, а также необходимость координации действий с союзниками (Францией, Великобританией, Китаем, СССР – планирование, поставки по ленд-лизу, обмен развединформацией, развёртывание многомиллионной армии со всеми необходимыми вооружениями, а также и флот), в конце войны атомный проект, а также послевоенное устройство Западной Европы и Азии, отбрасывание коммунизма, план Маршалла – резко изменили характер государственного управления Штатов, грандиозно усложнили характер и форматы решаемых задач. На место провинциального изоляционизма, доктрины Монро, пришла многовекторная наступательная политика во всём мире, где Америка определилась со своими интересами. Оказались востребованными геополитические подходы и стратегические ориентиры, разработанные ещё в самом начале XX века, до I Мировой войны, советником президента США Вудро Вильсона полковником Э. Хаузом [Хауз 43] о превращения США в мирового лидера, идеи Дж. Кейнса о приоритетном (вместо меркантилизма) росте государственных затрат, вложений в инфраструктуру, технологические инвестиции, заработали инвестиционные механизмы развития науки.

В этих условиях опережающими темпами росли научно-аналитические, управленческие структуры разного по-

рядка, создавались спецслужбы. В годы войны, как никогда, стало ясно, что наука может внести огромный вклад в дело обеспечения безопасности страны, и с тех пор американское правительство стало считать науку и технику областями, заслуживающими его поддержки. По окончании II Мировой войны (в отличие от армии и флота) эти структуры не только не сократились, но и стали главным инструментом американской внешней политики. С тех пор, примерно с 1948 года, «фабрики мысли» образовали сложную многомерную ткань, сеть центров, фондов, лабораторий, СМИ, учебных заведений разного профиля, адвокатских контор, неформальных объединений государственных чиновников, сенаторов, групп лоббирования – они-то и реализуют на сегодня потенциал экспертно-аналитического сообщества в США [Диксон 86].

Наибольший рост этих структур происходил в период с конца 40-х до конца XX столетия. Основы национальной научной политики США в XX веке сформулировал выдающийся организатор научных исследований Ванневар Буш, он представил в июле 1945 года президенту США Трумэну доклад «Наука – безграничные рубежи», приравнявший завоевание новых границ человеческого познания к важнейшим стратегическим целям развития американской цивилизации «в пространстве и времени».

«Модель науки» по Ванневару Бушу включала три элемента: (1) федеральное правительство, (2) университеты и

колледжи, (3) промышленность, за которыми были закреплены и расписаны конкретные роли. Федеральное правительство должно было финансировать большую часть фундаментальных исследований в университетах и колледжах, а частные промышленные компании – доводить разработки до коммерческого использования.

В мае 1950 года был создан Национальный научный фонд США (НФ), а после запуска советского «Спутника» в ноябре 1957 года законодательно учреждён пост Советника по науке и Совет научных консультантов при президенте США. В 1961 году было создано Управление по науке и технике, преобразованное в 1973 году в Управление научно-технической политики (советник по науке при президенте США является его директором). Окончание «холодной войны» позволило впервые с 1940-х годов переориентировать науку на сугубо мирные цели. В 1994 году Клинтон и Гор объявили об отходе от «модели Ванневары Буша» и переходе к «коммерциализации науки» путём сокращения федеральных расходов на военные НИР и предоставления «полной свободы рук» частному сектору. Главным научным приоритетом стало не расширение фундаментальных знаний, а увеличение «доли корпораций на мировых рынках».

Эта попытка выстроить эффективную национальную научную политику на принципах «коммерческой модели» потерпела неудачу, потому что проявилась «органическая» несовместимость науки с рыночным функционированием

современной экономики США. Демилитаризация научной деятельности лишь на первый взгляд освободила науку от «ауры сверхсекретности», так как коммерческое использование результатов научных исследований обернулось установлением ещё более жёсткого режима коммерческой тайны.

В США всё чаще стали встречаться учёные-предприниматели, совмещающие преподавание и научные исследования с работой в коммерческой фирме, нередко специально созданной ими же (иногда с коллегами из своего или других академических центров) для практической реализации собственных научных открытий.

В период 1991–2000 гг. число академических центров, активно занимающихся патентованием своих изобретений и выдачей лицензий, увеличилось на 42 % количество вновь основанных фирм для использования запатентованных изобретений и открытий более чем вдвое, число полученных патентов в 2,5 раза (с 1,3 до 3,2 тыс.), а нетто-доходы от их использования в 5 раз (с 200 млн до 1 млрд долл.). Федеральные расходы США на НИР в 1940 году составляли 250 млн долл., в 1948 – чуть менее 1 млрд, в 1957 достигли 3 млрд, в 1960 году подскочили до 8 млрд, а в период 1967–1971 годов уже превышали 16 млрд долл. в год.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.